

О. Мартынов

**БЕЗОРУЖНАЯ
ЛЮБОВЬ**

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1989

В произведениях детективного жанра обычно излагаются события, разговоры, но что у кого на уме, узнаешь лишь в самом конце. Данное произведение — исповедь. Я стараюсь точно передать события и разговоры. Но многое из того, что скрывалось за ними, для меня так и осталось неизвестным. Так что разгадки в конце не будет. Разговоры я старался передать по возможности точно. Может быть, я что-то забыл или спутал и упустил. Но вряд ли. Если какие-либо из разговоров фиксировались тогда, то любопытно было бы сверить.

Безусловно, если сверить, то окажется тождественно. Но все равно я сомневаюсь: а правда ли все это? Могло ли это быть или не могло? Впрочем, это не так уж и важно. Точнее, важно, но только для меня самого.

По крайней мере сейчас я излил все это на бумаге, почувствовал некоторое облегчение. Облегчение человека, который кричит, когда ему больно, а не стискивает зубы. Хотя кричать, конечно, стыдно.

ПРАВО НА СМЕРТЬ

Нежные!

Вы любовь на скрипки ложите.

Любовь на литавры — ложит грубый.

А себя, как я, вывернуть не можете...

В. Маяковский

На третьем этаже физфака промелькнуло прелестное создание, грациозное — принцесса-золушка, и я сделал вид, что иду в том же направлении. Шел, пока она не исчезла за дверью лаборатории. Она меня заметила. Взглянула как-то счастливо, весело и беззаботно. Просто и приветливо даже. Иностранка.

Многое стирается с магнитной ленты моей памяти. Записывается что-то другое. Часто записи накладываются друг на друга, и в этом калейдоскопе фрагментов трудно бывает отыскать запись какого-либо события. Но эта сцена сохранилась в моей памяти, и часто прокручивалась совершенно ясной от начала и до конца. Наверное, потому, что мы потом полюбили друг друга. Но в этой сцене я ни ее, ни себя не узнавал. Не узнавал я себя в этом гражданине. А в Аннь я узнаю сейчас скорее свою старшую дочь Елену.

В ее же памяти запечатлелось следующее: красивый, очень хорошо одетый. Мне кажется, это тоже не увязывалось позже с ее представлением обо мне. Но самое удивительное - она подумала: «Это - «он»!»

Здесь я должен сделать разъяснение. Дело в том, что этот человек, который случайно промелькнул перед ней и потом оказался мною, дружил с маленькой компанией ее близких друзей и две ее подруги очень многое успели рассказать про меня. С Ни, На и Хуаном я познакомился еще в 1972 году.

Да, это было в 1972 году, и тогда в их стране были строгие, очень строгие законы. Когда я как-то вечером шел по улице с На от моей знакомой машинистки, напечатавшей ей что-то, она боялась проходящих автобусов — вдруг там едет кто-нибудь из ее сограждан и увидит ее с русским.

- Тогда я погибла, погибла,— лепетала она.

Мне говорили, что когда дипломатический корпус бывал на балете, сограждане обязаны были сидеть с крепко закрытыми глазами, чтобы не видеть

неподобающих картин на сцене.

Через несколько месяцев после первого «чудного мгновения» моя маленькая компания познакомила меня с Аннь — ей хотелось учиться математике.

Опять в коридоре физфака. Мельком. Аннь вышла из какой-то комнаты с кем-то из наших общих знакомых, кажется с Ни. Я согласился ее консультировать. Она была красива, совсем девочка, смотрела на меня с любопытством. Особого впечатления мы друг на друга и на сей раз, по-видимому, не произвели. Но постепенно Аннь начала мне нравиться, незаметно меня стало притягивать к ней.

Помню, я протянул ей руку, когда она переходила через лужу, но она как-то инстинктивно оперлась о стоявший поблизости грузовик. Я улыбнулся:

- Вы предпочитаете грузовик моей руке.

Аннь смутилась, подумав, очевидно, что действительно допустила бестактность.

Она рассказывала немножко о своей жизни. Приехала к нам из маленького государства с марионеточным режимом. Жила в деревне, в партизанском районе. Было голодно.

В 17 лет вступила в Коммунистическую партию. Я знал, что там принимали в партию за особые заслуги, в первую очередь за героизм.

Такая принцесса — тоненькая, нежная, красивая, и — деревня, голод, бомбежки. Это поразило меня. Если искать момент, когда я полюбил, то, может, именно — этот.

Я потом говорил шутя: «Ты меня завлекла рассказами о деревне и твоей жизни. Если бы я знал, что ты дочка одного из азиатских лидеров и внука князя, может быть, все было бы по-другому».

Про то, чья она дочь, и ей и другим ее согражданам говорить было запрещено. Для отвода глаз она была приписана к посольству соседней страны, откуда родом была ее мать. В деревне же Аннь жила из идейных соображений.. А княжескому титулу деда она вообще не придавала значения, сказала мне как-то потом: «Мой дедушка работал князем».

Да, меня просто стало захватывать. Я даже факультативный курс стал читать на физфаке из-за нее, чтобы с ней встречаться (физфак для меня был дом родной, я там учился, но преподавал в другом месте). Но, чтобы прочесть курс блестяще, меня не хватило. Вначале слушателей было много. Потом все меньше и меньше. Наконец осталась только она.

«Поскольку ты осталась одна, то я, как честный человек, должен был на тебе жениться»,— говорил я ей потом со смехом.

Иногда она исчезала дней на десять. Я пытался узнать, где она бывает, но Аннь молчала. Оказалось, что ездила за границу с отцом. Но очень боялась, что я буду ее ругать — долго отсутствует! И часто раньше времени возвращалась одна, прерывая интересную поездку.

Она ездила ко мне на дачу. Аннь уже не могла не видеть, что нравится мне. Потом я спросил, когда же она сама начала что-либо испытывать ко мне.

— Помните, на дачу пришла ваша приятельница. Неожиданно я почувствовала прилив ревности.

Один раз мы гуляли и у обрыва, около одной очень любимой теперь елки, я хотел ее обнять, она отстранилась, но просияла. Мы возвращались на дачу почему-то очень счастливые. И с тех пор это счастливое выражение лица у нее было всегда, когда я ее видел. В точности такое же сейчас бывает иногда у моей дочери Елены. Наверное, это сияние отражалось и у меня на лице.

Как-то у меня дома, уже в Москве, мы сидели на диване и я попытался ее поцеловать. Неожиданно вошла моя мама с подносом и застала такую сцену: Аннь отворачивает от меня голову, губы. Эта сцена произвела на них такое впечатление, что они обе долго плакали вдвоем, чуть ли не обнявшись.

Я был загипнотизирован ее лицом, мог читать по нему, угадывать ее мысли. Когда глаза ее чуть-чуть прищуривались и лицо делалось более восточным, я знал, что могу поцеловать. Она ни разу не ответила на поцелуй. Закрывала глаза. Но через минуту глаза открывались и я читал на ее лице: «Все».

Теперь каждую нашу встречу я жаждал увидеть эту гримасу. Аннь приходила, мы беседовали, слушали музыку, занимались, и я ждал, когда можно будет поймать это мгновение. Эти минуты были ее тайной, которую она мне доверила.

Иногда Аннь молча уходила. Однажды в эти минуты ворвался звонок в дверь,

Аннь очнулась, я пошел открывать. Возвращаюсь, а ее и след простыл. Выпрыгнула в окно.

И я знал, что своим объяснением в любви могу нарушить ее тайну и вспугнуть. Я не должен был замечать, что это она сама разрешает мне перешагнуть через барьер, который у них в стране был выработан веками. Испокон веков любовь к европейцу у них считалась предательством. Ведь европейцы были завоевателями. Есть даже ругательное слово, которым у них называют такую женщину. Даже если их девушка просто идет с «долгоносим» (европейцем — по-простонародному) под руку, у них в стране ей вслед несутся ругательства, в нее чем-либо швыряют, плюют. Это позор. Это сильнее любого религиозного запрета. Запрещено традицией и строжайше было запрещено законом. Нарушение запрета влекло мучительные проработки на собраниях, отправление в лагерь для перевоспитания. И если девушка вдруг что-то испытывает к европейцу, то держит это в секрете и от самой себя, как бы не заметили таких мгновений, и никогда не говорит о них. Именно в такие тайные минуты Аннь обманывала сама себя: я насильно ее целую, а она сопротивляется. Иногда сердилась.

Как выяснилось, она изо всех сил старалась ко мне не приходить. Сажала к себе в комнату заниматься своего друга Джиля, которого она выделила среди своих многочисленных поклонников-сограждан. Чтобы не думать и не ходить ко мне. Не понимала, что насилие над собой только усиливает чувство. Все время думать: не пойду, не пойду, не пойду. А потом все-таки не выдержать и, найдя для себя самой какой-нибудь предлог, пойти. Это больше, чем пойти, когда захотелось.

Европейцу невозможно понять, почему ей надо было обманывать саму себя. Ну законы, традиции, проработ-ки... Но ведь никто не узнает, что происходило наедине. Чтобы все-таки понять, представим себе, например, такой европейский сюжет. Имитационную модель. Русский муж разошелся с женой-иностранкой, поскольку ее дочь родилась не от него — официального отца. Девочка некоторое время живет с матерью и дедом за границей, а через много лет снова приезжает в СССР учиться. Здесь она встречается со своим отцом. Тот еще довольно молодой, да и выглядит вдобавок много моложе своих лет, бездетный. Увлекается возможностью привить очаровательной девушке, считающей его родным отцом, русскую культуру, воспитывать ее. Она инстинктивно остро нуждается в отце, человеке его возраста,

дед не может заменить отца в силу естественной возрастной преемственности поколений. Она не знает, что он не настоящий отец, а он сказать ей это, допустим, не имеет права. Постепенно он невольно увлекается. В ней тоже просыпается ответное чувство, но какое — она даже не отдает себе отчета и боится самой себе признаться. Она ревнует его к другим женщинам, но ведь это может и дочь. Он-то прекрасно понимает, что ничего предосудительного в их любви нет. А она считает это страшным, преступлением против закона, морали, родителей. Он же боится раньше времени спугнуть ее растущее чувство, старается сделать так, чтобы ее ощущение вины перед самой собой уменьшилось. Чтобы те наплывы, которые происходили, были как бы тайной для самих себя.

Такая картина в какой-то отдаленной степени может дать представление о состоянии Аннь.

Но, конечно, ситуация у нас была гораздо более сложной: наши законы, их законы, пост отца, международные отношения, специфическое воспитание Аннь — дочери главы государства, ее партийность, идейность — все это смешалось в один запутанный клубок, и разрубить этот гордиев узел одним ударом было невозможно.

Аннь ко мне приходила и приходила. А тайные мгновения длились каждый раз все дольше. Значит, считала она, не надо больше приходить. Снова — борьба с собой, и все же Аннь снова приходит. Наше тайное взаимное влечение усиливается и усиливается. Но это не может продолжаться бесконечно, должна наступить развязка, и она наступает.

Да, должна, но когда наступила, то это открытие. (Второе будет, когда родится Лена)

Просветление. Смотрим друг на друга. Ты и я. Неужели? Кто теперь ты и я? Где? Соображаю: в квартире, которую мы только что обменяли, съехавшись с мамой после смерти отчима. Малознакомая полупустая комната. Окно без занавески. Светло. Почти лето. Увидел все это заново. Прозрел. В первый раз увидел. Разве я здесь когда-нибудь был?

Сердечко Аннь бьется уже чуть медленнее. Она снова стала принцессой. Я люблю ее. Я люблю тебя, Аннь. Люблю тебя. Будь моей женой. Умоляю тебя.

— Аннь, дорогая, я безумно люблю тебя. Будь моей женой. Умоляю тебя.

— Это невозможно. Нашим законом строжайше запрещено.

— Но по нашему закону это можно.

— Ни один ваш загс не совершит этого обряда. Ваше правительство дало обещание нашему.

— Раз по закону это можно, то я сумею оформить.

— Нет, это невозможно.

— Почему?

— Я вас не люблю.

— Но я не могу без тебя жить.

— Хорошо, я подумаю.

Пришла мама, и Аннь ушла, как мне показалось, довольно спокойная. Ну зачем я сразу полез с конкретными разговорами о женитьбе? Как честный человек, что ли? Разыскал ее через два дня в университете. Избегает. Улучил момент, спросил. Говорит не глядя:

— Не люблю вас.

Вижу — раскаивается. Ругает себя и меня. Это, как я заметил, у нее бывало и раньше. Но потом возвращалась же. Значит, и сейчас придет. Надо набраться терпения и ждать.

Но она не пришла.

Как я ждал, как я жил в это время — все спуталось в памяти. Знал, что Аннь должна была поехать в санаторий, а в какой — выяснить не мог. Во время экзаменов, в каникулы телефон в общежитии не работает.

Все разъехались. Я заметался. Из общих знакомых у нас в стране осталась одна Ни. Разыскать ее не мог. Боялся выдать свою заинтересованность, ведь могут и донести на Аннь в посольство. Ладно. Стал дожидаться первого сентября. Исчезла.

Наконец в сентябре рискнул позвонить даме, опекающей иностранных студентов физфака. Хорошая знакомая, но вы же сами понимаете...

— Аннь? Уехала на родину. Внезапно. Вышла замуж. Позвонила отсюда отцу, а он с Брежневым встречается. Вернется двадцатого. Муж приедет в октябре,

он поступает в аспирантуру.

Ноги подкосились. Не ожидал. С трудом удержал равновесие. И вдобавок по фамилии догадался, кто есть на самом деле ее отец. Сказал маме. Она твердит:

— Не может быть.

Что произошло — впоследствии узнал от Аннь. Первые дни после потрясения не спала, думала о самоубийстве. Потом бросилась к Джилю — тому близкому другу, с которым вместе занимались. Рассказала ему все, преломив сквозь призму собственного мироощущения в этом ее новом состоянии.

Итак. Она меня не любит. Ничего такого не хотела. Я сделал это против ее желания. Она в ужасе. Он предложил срочно выйти за него замуж. Порешили: никому обо всем этом ни слова. Срочно жениться. Со мной ей никогда не встречаться.

— Ты что, Аннь, сказала ему, что его любишь?

— Да, сказала. Что постараюсь полюбить сильнее. Если не получится — разведемся.

— А за меня замуж — тебе и в голову не приходило?

У моей подруги поклонник — знаменитый бандит, глава крупной шайки. Знаете, у нас такие существуют. Так вот, если бы вы были бандитом, тогда это воспринималось бы легче, чем русский, иностранец, европеец. А отца я бы этим просто убила. Кроме того я была уверена, что вы меня не любите, притворяетесь просто.

Внезапная женитьба без предварительных переговоров и разрешения родителей для ее страны скандал. Но отец все простил. Ее друзья подозревали какую-то подоплеку.

Аннь заявила, что не хочет возвращаться в Москву. Как?! Прервать обучение в МГУ? Родители настояли на ее возвращении. Муж, к счастью, ничего не сказал, кто ее ждет в Москве. Аннь поехала, считая, что замужество все равно поставит точку на наших отношениях.

В первый же день она увидела на фифаке мою измученную физиономию. Я

просил ее приходить, все равно все кончено — мы теперь только друзья. При-
знаюсь, когда я увидел ее личико, то воспрянул духом.

Она приехала с Ни ко мне на дачу — катались на лодке. Я держался как ни в чем не бывало. Весело, дружески. В основном болтал с Ни. И вдруг Ни случайно выпала из лодки. Холодная осенняя вода. Я бросился к ближайшему дому у реки, взял у добрых людей два ватника. Согрели, растерли Ни, надели один ватник на руки, другой на ноги, и я повез их на лодке домой. Мир не без добрых людей. (Кстати, в сенях у добрых людей я заметил украденные у меня с дачи старые рваные циновки.)

Донес плачущую Ни на плечах до дачи и стал отпаивать ликером. Она заснула, а мы с Аннь совершенно непринужденно целовались.

А потом она пришла ко мне одна. Искусственную плотину, которую она строила для нашей любви, прорвало. Нас закрутил такой водоворот, и уж так закрутил, что Аннь, закрыв глаза и махнув на все рукой, поплыла без руля и без ветрил.

Ясно, что за ней следят, и в общежитие надо вовремя вернуться, иначе все рухнет, все. А Аннь:

— Не поеду!

— Но тебя спохватятся, потом схватят!

— Будь что будет.

— Ты же хочешь за меня замуж?

— Да, хочу.

— Ну так будь благоразумной!

— Все равно ничего не выйдет. Не верю.

— Закон на нашей стороне. Разумеется, я не полезу напрямую. Беззакония обойти труднее, чем законы. Но права у нас есть. А это главное.

— Какие права? У нас был случай, когда дочьнашего члена правительства и сын иностранного члена правительства полюбили друг друга. Им не разрешили жениться, и они покончили жизнь самоубийством. И много еще было совместных самоубийств.

— Но у вас есть тоже конституция, законы, права...

— У нас есть только одно право – это право на смерть.

Быть может, за хребтом Кавказа

Укроюсь от твоих пашей,

От их всевидящего глаза,

От их всеслышащих ушей.

М.Лермонтов

Теперь у нас с Аннь возникли проблемы: во-первых, скрыть отношения, во-вторых, добиться развода, в-третьих, оформить наш брак и, наконец, тайно родить и зарегистрировать ребенка.

Каждый из этих моментов я тщательно проанализировал и продумал, как полагается ученому-аналитику. Аннь просила отца, чтобы он помог с разводом. Это была первая глупость, которая могла повредить тайне наших отношений. Продумать, продумать, изучить все законы, правила и лазейки досконально — потом действовать. Выяснилось, что юридически развод можно получить и в Советском Союзе, правда, в одном единственном загсе — для иностранцев. Оставалось заставить мужа пойти и развестись.

Оформить брак я решил в Богородске, рядом с моей дачей, где много академических институтов, в которых работают мои сокурсники и коллеги. Конечно, говорить о браке я не мог никому, кроме близких друзей. Коллег мог просить о дружеской услуге лишь под каким-либо предлогом. Разумеется, регистрация брака зависела не от них. Но эти люди могли существенно помочь завязать дружеские отношения с нужными людьми. По-своему это были тоже честные, порядочные люди, но правила игры, так сказать, у них несколько другие.

Дело в том, что, несмотря на мой вид, я типичный ученый. Мои оба деда, отец и мать — все были научные работники. Двое из них были известными учеными. И должен признаться, что традиции семьи часто мешают мне жить. Например, я не могу дать взятку. Даже не умею заплатить сотруднику ГАИ, чтобы он не прокалывал талон. А если пересилю себя и предложу, то у меня не берут.

Один мой знакомый, например, делает это виртуозно и никогда не получает отказа. Когда он приходит к человеку, который берет, то оба узнают друг друга моментально.

У мамы остались две семейные драгоценности. Она, конечно, мне бы их отдала. И я подарил бы их за оформление брака. Но как это сделать?

Нет у меня соответствующих талантов. Помню, когда мне нужно было срочно печатать автореферат, то дядя мне сказал, что есть типография, в которой это сделают быстро. Действительно, сделали. Он потом просил отнести с благодарностью от него письмо к какому-то начальнику. Я пошел. Прошел через огромную проходную комнату, полную девушек за столиками. У некоторых машинки. А его комнатуха была сбоку, и даже дверь из этой огромной комнаты, по-моему, была открыта. Я протянул конверт, сказал: «От Дмитрия Петровича». Тот двумя пальцами потер конверт, нащупал ассигнацию и заорал не своим голосом:

— Это уже безобразие!

Я выскочил от него красный как рак, стараясь не смотреть на девушек, которые все прекратили работу и уставились на меня. Это был позор, которого я никогда не забуду. А я ведь вроде не из стеснительных. Он же, оставив этот конверт себе, чувствовал себя на высоте положения.

Другой случай был, когда я спросил у врача-помощника профессора, который меня консультировал, сколько я тому должен. А помощник мне так ответил! Я с мамой ходил к каким-то профессорам, она платила, и никто ей не хамил. Выходит, даже мама и та что-то умела. И наверное, если бы она подарила ожерелье работнице загса, то сделала бы это так просто и мило, что та приняла бы, и помогла, и отнеслась бы к маме с предельным уважением. Но маму, конечно, я не мог впутывать в такие рискованные дела. А я мог бы подарить только на день рождения, будучи уже хорошо знаком.

В данном случае с женитьбой я, безусловно, дал бы взятку, если бы сумел. Как это выглядит с юридической и моральной точки зрения? То, что брак не хотят оформить,— это незаконно. Я хочу, как любой советский гражданин, вступить в брак с любимой — мне незаконно препятствуют. Если не даю взятку — жизнь разбита, я даю взятку — и брак оформят. Я компенсирую работнице загса убытки и моральный ущерб, которые она понесет, если ее выгонят за несоблюдение

правил, противоречащих закону. Виновен ли я в даче такой взятки? А она в получении? Не оказывает ли она мне огромную услугу, соглашаясь на взятку и оформление брака?

Вопросы праздные, потому что взятки я дать не смогу. А уж в Богородске, я был уверен, никто и не возьмет. Поэтому мне требовалась длительная подготовка для установления контактов с властью имущими: председателем и секретарем исполкома, депутатом, присутствующим на брачных церемониях. Друзья мне в этом успешно помогали. В частности, я выполнял различные расчеты для нужд города. Когда сам был не в состоянии, это делали мои московские коллеги. Для меня это была трудная работа, но я ее выполнял естественно, ненавязчиво. В конце концов и председатель, и секретарь, и депутат оказались мне чем-то обязанными и, конечно, не могли мне отказать в просьбах. Но если бы я сказал, кто Аннь и чего я хочу, то на это бы никто из них не пошел. Поэтому я должен был, как это ни неприятно, идти на обман, придумывая для каждого из них какую-либо легенду.

Существенно то, что после оформления брака никому не попало бы. Никто бы ничего им не сказал, в этом я был абсолютно уверен. Но так уж устроена психология людей, что когда дело касается столь высоких сфер, то чиновники не в состоянии что-либо сделать без согласования с вышестоящими инстанциями. Даже сами они, если бы попали в мое положение, не смогли бы преодолеть этого психологического барьера и пошли бы согласовывать, хотя это и разбило бы их жизнь.

Скрыть наши отношения не удалось. Обычный порядок был следующий. О наличии отношений их гражданина или гражданки с советским человеком наши чиновники секретно сообщали в их посольство. Оттуда шел запрос о якобы пропаже данного лица, и оно доставлялось милицией в посольство. Затем двумя провожатыми виновное лицо препровождалось в лагерь перевоспитания. Были случаи, когда по дороге лицо сбегало. Но его все равно находили. О таких побегах я наслушался.

Но наш случай особый. Дочь-то Самого! И в посольство не сообщили. Только через год примерно удостоверились точно и сообщили самому отцу. Собрался семейный совет. Все считали, что Аннь надо немедленно вернуть на родину.

Но как? Говорить с ней об этом все боялись, никто из родственников ничего никогда ей не сказал. Ни о чем не намекнул. Только один друг семьи повел ее на балет «Анна Каренина» и внушал:

— Вот что бывает с женщинами, которые изменяют мужьям.

Это было так наивно, мы очень смеялись. В конце-концов отец отказался ее отзывать. Она формально замужем. Не буду трогать девочку. И все. Когда мы узнали об этом окольным путем, я заставил Аннь написать домой письмо. У нее есть друг — известный ученый, который помогает ей в науке, и у него скоро юбилей. Пришлите что-нибудь для подарка.

Конечно, я был много старше Аннь, но до юбилея мне было еще далеко. Но может же быть юбилей научной деятельности?

Они прислали набор хрустальных бокалов, и отец успокоился. Старый ученый дружит с дочкой, а там уже что придумали! Но все равно все висело на волоске.

С разводом тоже было туго. Муж, которого Аннь выдворила в другой блок студенческого общежития и почему-то после всяких выяснений отношений возненавидела, попал на время в неврологическую клинику. Развод давать ни за что не хотел. Уже полтора года Аннь безуспешно добивалась от него согласия. Никак!

Я пытался втолковать Аннь ее линию поведения: действуй помягче, не лишай надежды. Скажи: «Пойми, не давая мне развода, ты держишь меня в неволе, а это противно моей натуре. Поэтому мы враги. При женитьбе говорил, что дашь развод в любую минуту. Если же ты дашь развод в советском загсе, я, во-первых, обещаю, что никому об этом говорить не стану. Во-вторых, у нас этот развод будет недействителен. Когда я увижу, что ты не обманщик и не хочешь держать меня в неволе, мы сможем снова стать друзьями. Я ведь тебя еще люблю, но твои беспринципные действия отвращают меня от тебя».

Я объяснял Аннь, что его отец делает стремительную карьеру. И им, так же как и нам, важно скрыть развод: «Пока твой отец думает, что ты замужем, он не так беспокоится относительно твоего романа с русским». Ей это наивное вранье, было противно, и она ничего не предпринимала. Я говорил:

— А ты думаешь, мне не противны все эти фокусы? Но я буду бороться

всеми силами и средствами.

Но когда Аннь забеременела и нависла угроза, что отцом ребенка будет считаться ее муж, она привела этот план в исполнение. С большим скрипом, но подействовало. Утопающий хватается за соломинку. Они подали заявление в специальный загс, где разводят иностранцев. Через два месяца она его волоком притащила снова, и вдруг, к его удивлению, им в паспорт шлепнули печать. Но Аннь по моему наущению сказала, что в крайнем случае они потеряют паспорта. Ура!! У нас было свидетельство о разводе!

Теперь об оформлении брака. Сначала о законах.

Статья 161. Браки советских граждан с иностранцами заключаются в РСФСР на общих основаниях (т. е. согласно статье 13).

Статья 13. Брак заключается в государственных органах загс.

Статья 166. Если международным договором или международным соглашением, в котором участвует СССР или РСФСР, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве РСФСР о браке и семье, то на территории РСФСР применяются правила международного договора или международного соглашения.

Таким образом, статья 166 отменяет, вообще говоря, статью 161 и статью 13. Надо знать соглашения, которые публиковались в Вестниках Верховного Совета [СССР и РСФСР за все годы Советской власти. Ищите соглашения. Не найдете — тогда попробуйте доказать работнику загса, что их нет. В юридической консультации по иностранным делам мне сказали, что с ее страной специальных соглашений нет, но справку об этом они дать не имеют права. Но и на том спасибо!

Из этого следовало, что оформить брак, вообще говоря, можно. Потому что, если в каком-либо загсе заключат брак по незнанию правил или в силу большой личной заинтересованности, то брак оспорить будет невозможно. Соблюсти строжайшую секретность — вот что трудно.

Это законы. А что на практике? Заключить брак с кем-либо из граждан их национальности ни один советский гражданин (или гражданка) в так называемый период застоя не смог.

Во-первых, в их паспортах не сказано, состоит ли гражданин в браке или

нет. Значит, он должен обратиться за справкой в посольство. А что за этим впоследствии, известно — исправительный лагерь.

Далее, и это главное, существовала негласная просьба со стороны правительства ее страны не оформлять браки с их гражданами или между их гражданами. Про разводы, к счастью, забыли!

Если пара приходит в обычный загс, то их немедленно отправляют в специальный загс, где оформляют иностранцев. А там уже путь известен — сообщают в посольство и т. д.

У нас было преимущество — свидетельство о разводе. Значит, справка из посольства о несостоянии в браке не нужна.

Но все иностранцы знали, что все равно любые наши чиновники без разрешения посольства бумаги побоятся оформлять. Тут повезло. Аннь просила посольство дать разрешение на выполнение работы по хоздоговору, чтобы потом переделать документ на брачный договор. В посольстве что-то почувствовали и каждый раз давали разрешение, но ставя подпись без печати либо печать без подписи. У нас, мол, так полагается.

Умница Аннь догадалась, что если перевернуть тот документ, который без подписи, вверх ногами и отрезать текст, то остается небольшой лист гербовой бумаги с печатью. Правда, печать не справа, а слева и вверх ногами, но на это совершенно невозможно обратить внимание. Напечатали разрешение от имени атташе посольства. По закону оно не требовалось. Заключение бы брак, а там можно было бы изъять его из дела.

Неожиданно подвернулись предлог и нужная легенда для оформления брака в Богородске. Дока архитектор, желая, по-видимому, увеличить вес своей услуги при оформлении гаража на даче, предъявил мне старый закон, согласно которому гараж можно строить только по месту прописки. Никто, конечно, этот закон не соблюдает, но я сказал: «Хорошо, я пропишусь на даче». Он прямо рот раскрыл. Но ведь прописка в Богородске — естественный предлог, чтобы оформлять там брак.

Пошел к зампредела коллегии московских адвокатов.

— Имею я право прописаться на своей частной даче?

— Имеете полное право.

Встретил начальника милиции Богородска.

— Хочу прописаться на даче.

— Хоть завтра — заполняйте форму № 15.

После этого я выписался из Москвы. Заполнил форму № 15.

— Да, вам еще надо заглянуть к начальнику паспортного стола, Прасковье.

Прасковью встретил на улице.

— Э, нет, надо еще разрешение исполкома.

Поставил на исполком. Вдруг узнаю, что председатель исполкома уезжает завтра утром в отпуск. Прихожу к ней домой.

— С гаражом неприятности. Пропишите. Да, заодно я выписался из Москвы, а тут у меня невеста ждет ребенка. Не успел оформить брак. Вот заявление и справка о беременности. Напишите, пожалуйста, чтобы оформили без задержки.

На углу заявления резолюция: «Прощу срочно оформить брак после вынесения разрешения исполкома о прописке».

Исполком собирается во главе с замом.

— Вот с гаражом, знаете ли, беда. Не ломать же его. Надо прописать.

Постановили.

Говорю со стариком депутатом, который оформляет браки:

— Деликатное дело. Полнейший секрет. Хочу жениться на иностранке, но абсолютно тайно. В декабре переаттестация на пять лет, если узнают — не пропустят, институт закрытый. Ждать не могу — она беременна. После пусть узнают: переаттестовали, уже выгнать нельзя.

— А в нашей конторе можно с иностранцами? Загса ведь у нас настоящего еще пока нет. Только я и секретарь Совета совершаем обряд.

— Вот Кодекс о браке — читайте сами. А вот документы.

— Да, действительно. Хорошо хоть, что не китайка. С ними отношения не очень. А разрешение посольства есть?

— Это необязательно. Читайте примечание, вот на странице 221. Но у нас есть.

— Все же покажите.

— Пожалуйста, вот оно.

— Теперь дайте на невесту посмотреть.

— Заходите.

После осмотра:

— Девушка хорошая. Не шпионка. У меня глаз наметанный. Сделаем. А как секретарь? Не проболтается?

— Я в ней уверен.

Аннь на радостях подарила ему бокалы, что прислали к моему «юбилею».

Вдруг беда. Секретаря смещают, заменяют новой. Из Подольска.

Комсомольский работник. Молодая. Что делать? Поставить перед фактом? В субботу свадебные машины, свадебный стол дома. Цветы, фотограф, шампанское. Неужели остановит процедуру? Надо будет телефон отключить, чтобы не могла никуда позвонить и узнать.

А вдруг? Рисуем-то чем! Вдруг узнает, что браки с иностранцами должны совершаться по правилам не в Богородске, а в Загорске. Или потом раззвонит.

Вызываю друга, который умеет нравиться женщинам. Просьба — увести ее в субботу утром. Чтобы она поручила оформить депутату, а подписала потом. Он едет в Богородск.

На другой день получаю записку: «Все в порядке. Достань куда-нибудь билеты на субботу». Покупаю на джаз из ГДР.

Приходит депутат. Говорит, что секретарь, очень смущаясь, попросила провести процедуру без нее.

А бланк на Аннь я заполнил так, чтобы совершенно не было понятно, что она иностранка. Долго продумывал. Крутил и так и этак. Республика, край... имя, отчество... национальность... Все так написал, что можно подумать, что какая-то национальность с нашего Дальнего Востока. Конечно, имя и отчество не совсем

те, но в русском варианте она теперь звалась Анной Зуевной. В свидетельстве же о браке написали все правильно. (Потом мне в ЦК: вы... обманным путем. А я им — это свидетельство.)

Поэтому в Богородске никто, кроме депутата не узнал, что я женился на иностранке.

Какая прелесть все-таки свадьба! Потерял голову от удачи. А целовал ли кто-нибудь, кроме меня, на свадьбе не только невесту, но и свидетельство о браке?

Были только самые близкие друзья. Мама подарила Аннь свое изумительной работы бриллиантовое кольцо. Трудно даже себе представить, как оно шло Аннь. Я вообще этого не мог понять. Ну платье, цвет, прическа — понятно. А тут крохотная штучка на едва заметной платиновой цепочке. Я обожал, когда она его надевала. Но происходило это только после большого скандала и всего несколько раз в жизни. Аннь стеснялась драгоценностей.

А жемчужное мамино ожерелье с огромными неправильной формы жемчужинами, которое мама дала Аннь поносить, чтобы жемчуг не умер, она носила только на теле под бельем.

Теперь я должен был довести прописку в Богородске до конца, чтобы зарегистрировать здесь мгновенно и беспрепятственно ребенка. Да и запись о браке выглядела бы более естественно. Но главное — зарегистрировать быстро ребенка. Действительно, когда я регистрировал вторую дочь, Таню, уже в Москве, то это была большая волокита из-за иностранного паспорта Аннь.

Итак, получив разрешение исполкома о прописке в городе Богородске, я явился к начальнику паспортного стола Прасковье.

— Вот решение, которое вы просили, вот паспорт. Из Москвы я выписался. Будьте так любезны, меня ждет такси.

— Выписка еще не дает права на прописку.

— Но вот решение исполкома.

— Это для нас не играет роли.

— Так вы же поставили это условие.

— Я думала, что они не дадут. Они незаконно дали.

— Начальник милиции...

— Я ему не подчиняюсь.

— А кому вы подчиняетесь?

— Непосредственно Дурасовскому переулку.

Сбил, сбил меня с толку законник адвокат! Не было у меня опыта в этих делах, и я пошел искать законную правду напрямую.

— Ну давайте туда позвоним.

— Пожалуйста.

I

Звонит в Москву и разговаривает с кем-то.

— Поезжайте сейчас в Москву к полковнику Волдасову, он вас примет.

Через час я у полковника. Так и так. Хочу прописаться на своей даче. Из Москвы выписался.

— Выписка еще не дает права на прописку.

— Но у вас здесь в коридоре висит плакат, где сказано, что если в течение 75 часов гражданин остается нигде не прописанным, то он нарушает закон.

— Выписка еще не дает права на прописку.

— Я уже почти месяц нигде не прописан. Что мне делать?

— Знаете что, по дружбе. Бегите обратно прописываться назад! Может быть, они вас пропишут, хотя выписка еще не дает вам права на обратную прописку. От меня уходили люди вот с такими слезами. Сколько инфарктов я перевидал. А у вас дело безнадежное. Никто вам не поможет. Ни исполком, ни Верховный Совет, ни сам Председатель Верховного Совета.

Тут уж нашла коса на камень.

Ах, Дурасовский переулок, Дурасовский переулок! Сколько я там обивал пороги! От одного к другому со справками и ходатайствами. Благо мой институт там рядом. Надо было мне подружиться с этой Прасковьей, это было, наверное, так просто. И ей прописать меня было — раз плюнуть. А теперь надо находить ходы к этим людям, закаленным на чужих инфарктах.

Искали, искали, искали, и ход нашелся. Племянница маминой ближайшей подруги училась вместе с одним из замов начальника УВД области. Пошла к нему. Что же, гараж действительно ломать, что ли? Подписал.

Бумага еще не успела прийти, а весть уже долетела в богородский паспортный стол.

— Пропишем, пропишем, приезжайте.

Прасковьи не было, была другая.

— На даче? Там надо домовую книгу, а где она? А если в общежитии в Богородске?

— Ну давайте в общежитие. (Мне-то все равно.)

— Быстро становитесь на военный учет, и мы вас пропишем.

Снимаюсь с военного учета. Еду в Богородск. Военно-учетный стол. За столом сидит военный и кричит в трубку:

— Я на пенсии, у вас тут 60 рублей получаю и не обязан вам доставать рыбу!

Я к нему:

— Добровольцев принимаете?

Злобно:

— Не принимаем!

— Я хочу встать на военный учет.

— Где паспорт? — смотрит. — Вы здесь не прописаны.

— В паспортном столе сказали, что сначала я должен стать на военный учет.

— Без прописки я вас не поставлю.

Нахожу знакомого депутата, и он все улаживает.

Итак, в паспорте два штампа: брак в Богородске и прописка в Богородске. Любуюсь на них.

Спасибо вам, святители,

Что дунули, да плюнули

В.Высоцкий 1

Очередная задача: беременность Аннь скрыть, а ребенка родить тайно и зарегистрировать в Богородске.

Чтобы скрыть беременность, она оформила командировку на четыре месяца в Киев якобы для завершения научной работы. Сама пряталась у меня. Письма Аннь к родственникам мы отсылали через знакомых, чтобы стоял киевский штемпель.

Но вскоре должна была приехать делегация во главе с ее отцом. Вот когда ее начнут по-настоящему разыскивать!

Надо было тайно родить ребенка. Моя приятельница договорилась с очень хорошим гинекологом. Он пообещал положить Аннь к себе в роддом без документов. И заранее. Это был самый надежный способ укрыть ее.

— Но говорить, кто она, ему ни в коем случае нельзя,— сказала приятельница.— Это его может испугать. Придумайте другую версию.

Мне еще нужен был на всякий случай документ, что Аннь родила семимесячного ребенка. Иначе по закону отцом ребенка мог быть объявлен прежний муж, так как окончательный официальный развод был получен лишь за семь месяцев до рождения. Но хотя потом какие-то юристы и проверяли с пристрастием все наши документы, нельзя ли к чему-либо придраться, до этого хода не догадались или сочли не очень солидным.

Именно этот аргумент я и привел гинекологу в качестве причины тайны. Дескать, муж «этой молодой дамы» должен думать, что она родила досрочно. А то, мол, он только семь месяцев назад вернулся из загранкомандировки, а сейчас опять уехал.

Жена произвела на врача большое впечатление. Моя приятельница, которая нас познакомила, рассказывала с его слов, что он никогда в жизни не видел такой красавицы. По-видимому, и в дальнейшем не увидел, потом скажу почему.

Итак, ее отец приехал в Москву и потребовал дочь к себе. Ее найти не

могут. Говорят ему, что где-то скрывается со мной. Он очень переживает. Никогда еще не было так, чтобы Аннь не приезжала. Точнее, ее немедленно же доставляли к нему, когда он здесь, где бы она ни была.

— Ну как бы вы поступили с такой дочерью? — спросил он прикрепленного к нему советского референта.

— Я бы ей просто морду набил,— подлил тот масла в огонь.

Две недели проходит, Аннь не рожает. Я боюсь приблизиться к роддому, вдруг за мной следят.

Наконец! 31 октября 1977 года дочь моя Елена появилась на свет. Я, одуревший от счастья, беру в тот же день справку о рождении и еду регистрировать в Богородск.

С цветами, с огромной коробкой конфет и шампанским, с беззаботным (по мере моих сил) лицом счастливый отец является регистрировать ребенка к какой-то официальной даме в Богородск. У той глаза разбегаются от этих подарков, и она вообще не смотрит в иностранный паспорт Аннь, а пишет под мою диктовку.

— Но я не могу ей написать место рождения - город Москва,— вдруг отрывается она тревожно от документов, косясь на бутылку шампанского.— Я напишу город Богородск.

— Ну, разумеется, конечно!

— А то все хотят местом рождения Москву.

— Не надо, не надо, что вы, что вы!

Итак, вопрос исчерпан. Я уже ничего не боюсь. Спасибо всем, кто мне помог.

Через восемь дней привожу Аннь и закутанное в одеяло, повязанное широкой лентой маленькое обожаемое существо — нашу спасительницу.

Аннь говорит:

— Сейчас поеду к отцу и все ему расскажу.

— Ты с ума сошла? Подготовить надо. Послать фотографии свадьбы, ребенка.

— Я сама все расскажу. Когда назад поеду — позвоню.

Переспорить было невозможно, и мы с моим другом отвезли Аннь к отцу.

Я не боялся за Аннь. Трясся просто без объективной причины.

Аннь вошла в дом. Все ужинали. Села с отцом. Ни слова упрека. После ужина он увел ее отдельно и говорит особым голосом (Аннь знает: это значит, что он хитрит):

— Девочка, ты хотела развода, я знаю. Поедем на родину и все устроим. Ты знаешь, что у нас это не одобряют. Но тебе разрешат.

— Папа, я уже развелась здесь, в СССР.

— Разве это можно юридически?!

— Да, можно. Законно развели. И я вышла замуж,

— Де-факто?

— Де-юре.

Могу ли я описать, что произошло дальше? Отец был вне себя. Аннь его хорошо знала и была совершенно убеждена, что то, что он говорил тогда о нас, европейцах, почему-то попеременно о русских и о неграх, было сказано сгоряча и не является его точкой зрения. (А ведь Аннь мне говорила: он считает, будто все записывается.) Или о своей жене — ее матери, — в которой течет и китайская кровь и якобы именно эта кровь во всем виновата. Руки у него тряслись, и Аннь показалось, что он хочет ударить.

(Конечно, для меня, европейца, все это звучало дико, ошарашивало. А впрочем... Вывернем наизнанку — русский несет подобное. Никогда не слыхали?)

Аннь не стала отвечать, повернулась и ушла. Пошла в сторону МГУ. Темно. Черная «Волга» тронулась с места и медленно поехала, освещая ее фарами. Аннь побежала. «Волга» быстрее. Наконец добежала до остановки, вскочила в освещенный троллейбус и приехала домой в слезах.

А я счастлив, что она вернулась. У меня сидят друзья — утешают.

— Ну что ты? В чем дело?

— Я не думала, что он так.

— Ты сказала, что у нас дочь?

— Ничего не сказала.

— Так тогда замечательно! Тебя же не задержали. А поругал, что за беда! Как говорится, лучше, чтобы была плохая погода, чем вообще никакой погоды не было.

Я действительно думал, что главный аргумент — ребенок. А раз так, то вообще и говорить нечего.

— Все-таки есть изюминка в этом тесте,— говорю я весело друзьям.— Видимо, я его допеку.

Аннь, для которой, к сожалению, слово «тесто» было слишком хорошо известно, а к слову «тесть» она еще не привыкла, отправляется взглянуть на кухню. Если бы поняла, то мне бы попало, хотя она и рассердилась на отца.

На другой день звонит ее сестра по отцу. Он очень переживает, что вспылит, не спал всю ночь. Просит прощения. Ждет.

Я подталкиваю Аннь: скажи про Лену.

— Ты знаешь, у нас родилась дочь. Поздравь.

— Не говори глупостей. Чтобы родить — надо быть беременной. А ты не была.

И представьте себе, ведь не поверила! Что решила, не знаю. Может быть, что Аннь выдумывает, чтобы её брак признали? Чушь какая!

Договорились встретиться около дома и поехать отцу.

— Аннь, я тебя одну не пущу.

— Нет, я поеду.

Пошли на свидание вместе. Приехала сестра.

— Привет!

— Привет!

О чем-то говорят на своем языке с Аннь. Аннь говорит мне:

— Я съезжу к отцу ненадолго.

— Ни в коем случае. Надо зайти предупредить маму и покормить ребенка перед отъезд.

Говорят между собой. Идут к нам домой. Раздеваются, заходят. Сестра видит Лену в коляске. Потрясена. Плачет. Обнимает Аннь. Я говорю:

— У Аннь температура. Себя чувствует неважно. Надо ли сейчас ехать к отцу?

Сестра решает: не надо. Уезжает.

Потом она рассказывает. Отец накануне всю ночь не спал, совещался с личным врачом. Решили каким-то способом переправить Аннь домой с отцом.

И всю ночь напролет жду гостей

дорогих,

Шевеля кандалами цепочек дверных.

О. Мандельштам

До этого рассказа Аннь отца особенно не боялась. Боялся больше я. Теперь, после рождения Лены и оформления брака, я абсолютно не боялся захвата или чего-нибудь еще. Зато Аннь стала очень бояться.

Подъезжает к даче черная «Волга» — у Аннь от страха пропадает молоко. Жила в постоянном напряжении. Ее травмировали письма родных: ты изменила родине, предательница. Я был возмущен этой травлей. При чем здесь «измена родине»? Аннь говорит:

— Но это правда. Я знала, на что иду. Я никогда не увижу родины. И буду наказана.

— Но кем? Отцом? Буддой?

— Не знаю кем. Знаю, что буду.

Боялась своих. Как увидит — пугается.

— Боюсь, меня потащат на собрание — разбирать.

В МГУ взяла академический отпуск.

При пресловутом гараже я построил специальную комнату с бойницами и железной дверью, где прятал беременную Аннь, когда мне нужно было уезжать. Очень трудно было тогда ее заставить туда пойти. Теперь я уезжаю — она с

ребенком и моим охотничьим ружьем запирается там.

Однажды ехал в электричке, подсел ко мне молоденький солдатик из стройбата:

— Не надо ли какую электрику?

— Не надо.

— А пострелять не надо?

— Как пострелять?

— Дюбелями. В бетон, в кирпич.

— Не надо. А чем вы стреляете?

— Пистолетом. Могу продать и пистолет.

— Пистолет? На какое же расстояние он стреляет?

— Только когда стволом упруешься в бетон. А вам надо на расстоянии?

Настоящий? Могу одолжить на время автомат.

— Автомат? Да ты что!

— Не так уж и дорого возьму.

— Ты что! Найдут, посадят.

— Никто не найдет. Заройте. Вот нас посадит могут. Они же на учете.

Рассказываю жене. Та:

— Купи! Мне спокойней будет.

Но от этого сумасбродства я, разумеется, отказался.

— Чего ты так боишься?

— Пойми, раз отец мог на это пойти... Ведь он знал, что я не смирюсь.

Значит, что? Значит, это замужество вредит партии, а ради партии он может пожертвовать мной.

— При чем тут партия?

— Это может ослабить его авторитет. Он себя отождествляет с партией.

Если его не будет, то партии будет плохо. Никакой замены нет. Другие не видят того, что видит он. И это действительно так. Никто так правильно не мог предсказывать события, как он.

И Аннь приводила ряд фактов, когда он уезжал в отпуск и без него действительно делали глупости.

— Конечно, отец меня очень любит. Но раз он был готов пожертвовать мной, значит, все. Я всегда знала что, выходя за тебя, иду на смерть. Пока не было Лены
я этого не боялась. Без меня ты не справишься.

— Аннь, дорогая, я тоже умею предсказывать. Уверяю тебя, через несколько лет все изменится. Очень быстро. И представители вашего посольства будут!
иметь право открывать глаза на нашем балете. Дело том, что и мы через все это прошли. Может быть, с другими оттенками только... И, если уж на то пошло, более естественно убрать меня.

— Мы с отцом достаточно хорошо друг друга знаем. И он знает, чего от меня ждать, если с тобой что-либо случится.

Аннь ложилась с Леной в больницу и оставляла письмо: если ее захватят, то против ее воли. Что бы от ее имени ни говорили, ее ребенка должен воспитывать я.

Я ничего этого не боялся. Но второго ребенка мы решили завести сразу.

За эти золотые дни

Украденного счастья.

А. Вертинский

Имя Аннь в доме отца запрещено было произносить.

Но на его рабочем столе всегда хранились маленькие подарки, которые ему делала Аннь. Даже когда была маленькой девочкой. Когда один из этих подарков куда-то исчез, он устроил большой скандал, и пропажу разыскали. Родственники написали ей, что, значит, отец все еще ее любит.

И про наши отношения он по секрету выяснял: «Хочу знать, настоящая ли это любовь». Как через несколько лет рассказывала со смехом Аннина сестра, был послан для выяснения эксперт по любви.

Мы жили с Аннь на даче, в лесу, круглый год в полной изоляции. Души друг в друге не чаяли. Таяли от любви. Как в тумане. В нашей с Аннь огромной комнате, с огромными окнами, за которыми вплотную разбросаны освещенные лунным светом ртутного фонаря бесконечные березы в снегу. В которой стояло черное пианино и дрожал огонек ночника-свечки, отсвечиваясь и переливаясь особыми тонами в жемчуге на ее шее. А я записывал и записывал на магнитную ленту моей памяти ее спящее матовое лицо, чтобы потом прокручивать тайно эти кадры, сидя на заседаниях в Москве.

Дочь пискнет ночью — Аннь бежит к ней, как будто сходя с картин Буше. А потом начинались какие-то галлюцинации.

*Все смешивалось,
лишь сквозь прозрачность ночи плыли,
мешаясь с жаром батарей,
жуков зеленые надкрылья
от медных ручек у дверей.*

Мы были одни во всем мире. Так думалось. Но оказывается, в это время не дремал и эксперт, заглядывал в окна, анализировал. Результат был доведен до сведения отца: любовь настоящая.

К сожалению, как мне потом рассказывали, это было единственное положительное заключение, которое пришло по тайным каналам. Наврали даже, что я был уже тогда чуть ли не за перестройку и гласность. Не полностью, конечно, до этого все же не дошли. Но где-то частично затаил-де в душе, доносили специалисты. И инкриминировали юмор.

— Разумеется,— сообщали,— мы тоже понимаем юмор, но не до такой же степени! «Ради красного словца не пожалеет и отца»,— переводили многозначительно русскую пословицу (на его языке «тесть» и «отец» обозначаются одним словом).

Через год он приехал и хотел тайно от окружения встретиться с Аннь, но я ее не пустил. Аннь уже снова была беременна, и я боялся, что эта встреча может ее сильно взволновать. Аннина мать говорила, что он этим был сильно удручен. Аннь раньше его очень любила. Больше всех на свете.

Я очень переживал, что Аннь, возможно, скучает по родине и по родным.

Но она не скучала. Она не любила только, когда бывали гости. Как-то один из них спросил, скучает ли она по дому. Она ответила наивно:

— Только когда бывают гости.

Учил Аннь кататься на лыжах. Нам нравилось выходить из леса и кататься по белому пустынному полю. Подарил ей финские очень скользкие лыжи. Аннь испугалась:

— Я не смогу на них. Сколько километров в час они ходят? ,

Сам я почувствовал себя помолодевшим лет на десять, испытывал небывалый прилив сил, научное вдохновение. Такой продуктивности у меня еще никогда не было. Новые концепции рождались прямо на лету.

А с Аннь мы старались вообще не расставаться. Даже вместе ездили за детским кефиром.

Но если мы расставались и я ездил в Москву один, то рвался обратно, и сердце стучало, когда я уже поворачивал к нашему отрезку шоссе. И я знал, что Аннь встретит меня на участке, издали услышав шум моего драндулета ЛУАЗа. И я вновь окунусь в жизнь, которая для меня выше всех других радостей, перед которой наука, друзья, деятельность — все отступает далеко на второй план. Может быть, и стоило отлучаться, чтобы испытать радость встреч и видеть ее лицо при этих встречах.

А сколько мы вместе ездили!

Я показал на блюде студня

Косые скулы океана.

В. Маяковский

Едем на моем драндулете по Калужскому шоссе. Знак — 40 километров. Навстречу с горы быстро мчится вереница машин. Я говорю Аннь:

— Хочешь, я сделаю так, что они все поедут медленно?

— А как?

— Вот смотри.

Раз! И они все как одна поползли с одинаковой скоростью. Впечатляющее зрелище! Это я незаметно мигнул им фарами (ножное переключение)..

— Вот это да! Как это ты сделал?

Ну разве в глазах какой-нибудь советской женщины таким дешевым способом прослывешь волшебником? А что Аннь знает о наших неписаных законах, которые, однако, строго выполняются? Я очень любил шокировать ее ими, признаюсь, подчас сильно утрируя.

Как-то еще едем. Навстречу идет автобус без номера. Слева надпись: «Микрорайон». Я говорю Аннь:

— Это «левый» автобус.

— Как?

— У станции метро «Беляево» есть специальная остановка без всякого знака. Я тебе покажу. Стоит народ. Это остановка «левых» автобусов. Они экспрессом, без остановок и не через деревню, а по прямому пути, гонят в Богородск или в микрорайон. Быстро, удобно. Утром с семи до девяти и вечером с шести до восьми. Обычный транспорт не в состоянии справиться с огромным количеством народу, который едет в это время в Богородск и обратно.

— А чьи это автобусы?

— Ведомственные. Какой-нибудь организации: военные, академические, строительные. Деньги с пассажиров собирают и отдают шоферу.

— Так шофер очень богатый человек?

— Я думаю, не более тысячи в месяц. Остальные начальству, тем, кто в ГАИ, и другим... Это как бы форма дополнительной оплаты. Возможно, без этого и шоферы не будут работать, и работники ГАИ уйдут в другие места. Или их начальству надо будет их фиктивно оформлять еще на какую-нибудь ставку.

— И все это знают?

— Разумеется. И никто не доносит.

— И не пресекает?

— А если это пресечь, то что же, весь Богородск в Москву пешком пойдет? А москвичи в Богородск?

— А общественным транспортом обеспечить нельзя?

— Невозможно. Если дать такое количество транспорта, то остальное время он будет простаивать. И если пресечь насильственным путем «левое движение», то кровообращение системы остановится и наступит смерть. Но пресечь это невозможно.

— Почему?

— Если создать какую-то организацию, которая будет следить за этим, то только увеличится плата за проезд, так как и ее придется кормить. Захотят исправить, а получится ровно наоборот. На то они и истинные законы теперешней экономики.

— А ты их знаешь?

— Интересовался этим вопросом. Продумывал.

— Ну и что?

— Хватит с тебя того, что я сказал.

— Уж очень мрачную ты рисуешь картину.

— Ничего, живем.

— ГАИ — ведь это милиция. Значит, и милиция в сговоре с шоферами автобусов?

— Разумеется. И шоферы автобусов, и даже такси платят определенную таксу милиции. Такси, например, запрещено работать только на нашей трассе. Однако некоторые шоферы любят работать только на загородных трассах. Свежий воздух, простой маршрут, дальние расстояния, возможность подсадить лишних пассажиров. За день работы на трассе они отдают 2 рубля инспектору ГАИ и за каждого лишнего (пятого) пассажира 2 рубля. Это недавно стало. Раньше платили только рубль. Так что таксист, который зарабатывает «левым» образом, много и отдает другим — ГАИ, на автобазе слесарям, мойщикам, сторожу на проходной, — платит из своего кармана. Поэтому шоферу приходится всячески изворачиваться, чтобы заработать побольше.

— И так такси очень дорогое у вас.

— Вначале, когда повысили плату за такси, никто не брал машины, они стояли на стоянках десятками. Я как-то ехал, смотрю на счетчик и деньги

считаю, когда дощелкал мою сумму — пришлось остановить и идти пешком. Пока шел, как я обычно делаю, бессознательно, чтобы не скучно было, сочинил стишок:

Убавьте плату за такси,

И я скажу вам «гранд мерси».

Отливает кровь от щечек,

Когда я смотрю на счетчик.

Но потом все привыкли. Да и рубль упал в цене. Так что сейчас уже трудно достать такси. Таксисты привередничают на нашей трассе, стараются посадить несколько человек, и если вечером, то с каждого взять полностью стоимость проезда. Однажды повез меня вкуче с какими-то двумя пьяными, с которых взял вперед. Вдруг пьяные передумали и вышли в Москве около магазина. И нахал шофер отказался меня вести за плату по счетчику, решив, что он вернется и снова наберет несколько человек. Он остановил машину около ГАИ и с помощью гаишников вытряхнул меня из машины. Я сдерживался, зная, что если я отвечу милиционерам, как полагается, то меня отвезут в милицию и там продержат не один час, да еще и избить могут. Но я не поленился поехать к милицейскому начальству и написать заявление. Никакого ответа я, разумеется, не получил.

— Разве у вас есть телесные наказания?|

— Нет. Но если в милиции избивают, доказать что-либо невозможно.

На боль никто не обращает внимания — «до свадьбы заживет». Например, в метро, если не бросил пять копеек в автомат и проходишь, то низенькие дверцы очень больно бьют по ногам: разве это кого-либо поражает?

— Да, я знаю, что они ударяют, и очень их боюсь.

— Однажды справа от меня шел какой-то немолодой человек, по виду из деревни. Может быть, он был левша, не знаю, но он опустил левой рукой монету в мой автомат, я автоматически прошел, его стукнуло, он выскочил назад, сунулся в мой проход, и его снова стукнуло. Напрасно я предлагал ему монетку, он, махнув рукой на все это, ушел. И может, правильно сделал.

Как-то поехали на моем драндулете по окрестным деревням посмотреть и заодно

поискать няню среди деревенских. Дороги проселочные, пыльные. Деревеньки с какими-то новыми строениями ни к селу ни к городу в буквальном смысле слова. Прудики. Спрашиваем прохожих о нянях. Бесполезно. Аннь думает о чем-то своем:

— Нет, никогда отец и наши люди не изменят ко мне отношения. Вообще крупные люди не меняют точку зрения.

— Еще как меняют. Достоевский в молодости был петрашевцем, революционером, а потом совсем наоборот. Написал «Бесов». Высмеял революционеров.

— А ваш Пушкин не менялся.

— Я, конечно, не специалист, но, по-моему, и Пушкин переменялся полностью и под конец жизни стал монархистом. Его предсмертные слова, о которых рассказывал Жуковский: «Передай царю, что я полностью изменился» (или что-то в этом духе) — не выдумка, а правда. Поэма «Медный всадник», которую я тебе читал, — вот чисто монархическое произведение! — поддразниваю я. — Под наводнением понимается восстание Пугачева, всколыхнувшее декабристов. Декабристов олицетворяет Евгений, а царскую власть — Медный всадник. «Побежденная стихия» привела к гибели близких Евгения, как Пугачевское восстание привело к гибели близких декабристам людей. И во время наводнения — помнишь, как я читал, — «пустились генералы спасать и страхом обуялый и дома тонущий народ».

И ты знаешь, в примечаниях к поэме Пушкин, чтобы оправдать эту странность — «генералы»! — как-то невнятно говорит о генерале Милорадовиче. А он, между прочим, и был застрелен во время восстания декабристов. Их имена, как и Евгения, в «былые времена... блистали и под пером Карамзина в родных преданьях прозвучали». А после шатаний и скитаний, именно на площади, на которой произошло восстание декабристов, Евгений шепнул царю, злобно задрожав: «Ужо тебе!» После чего стремглав бежать пустился. И Пушкин требует от народа повиновения: «Вражду и плен старинный твой пусть волны финские забудут и тщетной злобою не будут тревожить вечный сон Петра». Пусть эта трактовка не бесспорна, но почему он стал придворным, а его семья стала близка к царской?

— Это ты сам монархист, а приписываешь это, как это у вас принято, Пушкину, — засмеялась Аннь.

— Быть монархистом в наше время — это все равно что быть приверженцем феодального или рабовладельческого строя. Колесо истории крутится, и социалистическая революция была неизбежна в нашей стране. А против законов истории переть так же глупо, как против законов физики. Их надо изучать и радоваться им. Знаешь, как один мотоциклист с разгона врезался в столб, еле живой лежит и бормочет: «Хорошо, что пополам, хорошо, что пополам». Старушка

спрашивает: «Что, что пополам, родимый?» — « mv^2 , бабушка».

— Ты смотри, сам не врежься в столб, философ. Это Ленин как повел страну к социализму, с самого начала, так и привел к нему, не меняя позиции.

— Ну как тебе популярно объяснить? Ленин, по-моему, играл, грубо говоря, такую же роль, как Кутузов у Толстого. Чувствовал стихию, не мешал, а помогал. Бывало, что решал не проводить демонстрацию, но, когда она стихийно возникала, возглавлял ее. Бывает, что обстоятельства сильнее...

Помнишь, у Булгакова всесильный, казалось бы, Понтий Пилат не мог спасти Иешуа, хотя оценил его как человека, который способен доставлять ему душевное спокойствие. И Сталин оценил Булгакова, ходил без конца на спектакль «Дни Турбиных», но не спас его от рапповцев, возглавляемых Леопольдом Авербахом. Мог только отомстить ему, как Понтий Пилат. Иуде. Ты же сама видишь, как твой отец зависим. Не может любимую дочь видеть. Ведь роман же он тебе прощал. Значит, дело только в политике. На заседании вашего правительства он присоединился к тем, кто осудил тебя. Но наверняка он припомнит им это.

— Ты еще не представляешь себе, как он зависим. Однажды с отцом мы решили тайком покататься на велосипедах. Пролезли в дырку в нашем заборе. Поехали в лес. Свободно, хорошо, как нормальные люди. Но постовой, мимо которого мы проезжали, оказывается, позвонил в наш дом. Мы едем, болтаем. Оглядываемся, за нами вся охрана едет. Это еще что. Его товарищей по тюрьме к нему не допускали и даже не докладывали, что те приходили или звонили. Папа очень сердился. И только через нас — семью — они могли с ним связаться.

— Вот видишь, он огражден такой стеной, что даже объективную информацию он может получить только через детей.

— Нас тоже стараются оградить от внешнего мира. Да и говорим мы папе

не все. Иногда не хотим огорчать, иногда по другим причинам. Мне вот, например, ты не велел.

Едем и едем. По дороге попадается много солдат. Солдаты чинят дорогу. Солдаты роют что-то на обочине. Солдаты строят какой-то дом.

— Почему это всё солдаты делают?

— Как бы атрибуты обучения солдатской службе. На самом деле принудительный труд. Непроизводительный, если верить Марксу.

— Разве им не платят?

— Платят гроши. Но и солдат, когда можно, старается схалтурить. Не знаю, как на государственной стройке, но у нас в поселке на дачи иногда ротные сдают своих солдат очень дешево, но те строят совершенно неквалифицированно и лениво.

— Как это сдают?

— Ну заставляют строить частную дачу, а деньги берут себе.

— А солдатам?

— Ну им за это ротный делает всякие послабления, не знаю толком, какие. Только всегда предупреждает: солдатам ни копейки! Вот соседу строили, видела, какая плохая кладка?

— Так ведь у него недостроено.

— У них в роте кто-то дезертировал, начались проверки, и ротный это дело оставил, побоялся.

— А солдаты не выдают ротного?

— Боятся, наверное. Истинные структуры в армии мне неизвестны. Слышал, что старшие поработают младших, сильные физически слабых, но толком не знаю. Я ведь сам был в военных лагерях только студентом. На меня они хорошо подействовали: я окреп, подтянулся, приучился к зарядке, бегу. Муштровали неплохо.

— Не могу представить тебя солдатом.

— Был даже очень бравым. Устав знал назубок. До сих пор помню. Кто есть часовой? — Солдат, охраняющий пост. — Что есть пост? — Место, охраняемое

часовым.— А часовой? — Тот, кто охраняет пост.— А пост? — То, что охраняется часовым. Но однажды я был наказан, получил наряд на кухню.

— За что?

— За то, что сдувал у соседа.

— Контрольную?

— Комара. Комары, как только слышали команду «смирно!», облепляли нас. А мы пошевелиться не имели права.

— Должны были вести себя смирно?

— Вот именно. А при команде «равнение налево» поворачивали головы налево и видели, как постепенно наливаются кровью комары на ухе у соседа. Однажды я не вынес этого зрелища и сдул комара. За что и получил наряд на кухню.

— Выходит, приучают к тому, что, когда пьют кровь у соседа, надо стоять смирно. Ну, скомандуй-ка «смирно».

— Смир-но!

— Ого! А еще что-нибудь скомандуй.

— Положить оружие! Отставить.

— Сложить оружие? И куда отставить? Сдаться?

— Нет, положить перед собой винтовку, а потом отменить команду — «отставить», то есть взять винтовку назад.

— Поцеловать меня! Отставить. Сумасшедший, опрокинешь машину. Я же сказала «отставить».

— Отставить — это взять поцелуй назад.

За разговорами доехали до местной церкви. Шла будничная служба. Хор пожилой. Только одна деревенская девушка с чистым простым лицом. Народу мало. В стороне старушка молится на коленях, кланяется. Я научил Аннь ставить свечи, подогревая их с тыла. Поставили Николаю Угоднику. Мы вызвали интерес у женщины, продающей свечи и крестики. Она предложила приобрести «Церковный календарь» этого года — ценнейшую книгу, которая была у нее в единственном экземпляре.

Аннь разглядывала в календаре красивые и выразительные лица епископов и читала святцы — каким именем назвать наших будущих детей. Я искал нянь среди верующих.

— Ты сам говорил, что чуть ли не главное достижение вашей революции — низвержение религии. А няню ищешь верующую.

— Мало ли что. Отсутствие нянь тоже одно из достижений революции.

— Революция привела к равенству? — спросила Аннь, когда мы уже садились в машину.

— После революции наступила эпоха военного коммунизма, по-моему, максимального равенства, все вроде бы сравнились, но экономика застыла, кровообращение страны остановилось. Первая мировая война, а после революции — гражданская и иностранная интервенции привели к всеобщему обнищанию. А потом, когда Советская власть победила, надо было восстанавливать хозяйство страны. Ввели нэп, допустили частное предпринимательство. Экономика мгновенно ожила. И нянь стало сколько угодно. Нозакон стремления к равенству снова стал нивелировать разницу в уровне жизни между отдельными слоями общества.

— Какой такой закон?

— Мне кажется, есть такой закон истории. Примитивно его можно объяснить так. Психологически человек не хочет, чтобы ближний жил много лучше, чем он сам. Однако людям другого слоя он не завидует. Но наступает период, когда эта психологическая преграда рушится для всего данного слоя и вспыхивает массовая ненависть к другому слою. Наступает революция, нивелировка, данный слой переходит на другой энергетический уровень, отчего освобождается огромная кинетическая энергия масс, которая приводит к экспансии в другие страны, тем более успешной, что заражает население и этих стран, одновременно сжигая и часть населения своей страны. Последнее еще сильнее проявляется, если нет возможности броситься на другие страны. Экономика держится некоторое время на гребне этой энергии, на энтузиазме и массовой чисто религиозной дисциплине. Далее наступает постепенное застывание, разочарование. Закон нивелировки уже действует стихийно, пока снова экономика не приходит в полный упадок.

— А сейчас?

— По-моему, неписанные законы и правила, о которых я тебе говорил, при всем том хаосе и повальном воровстве тем не менее в среднем приводят ко все большей и большей нивелировке, охватывающей все большие слои. Слишком много гребешь и воруеть — делись, а то тебе будет в конце концов плохо, и поэтому уровень жизни нивелируется.

Вот смотри, зарплата хорошего плотника, которого я нанимаю, — 35 рублей в день, а это значит, что меньше ему брать невыгодно. Поэтому и няню не найдешь. В связи с этими особыми условиями роль денег у нас в стране упала, это тоже сказывается на безразличном отношении женщин пенсионного возраста к приработку. Но я не говорю об особом слое номенклатуры, который живет отдельной жизнью, у них особые бесплатные услуги, у них свои законы и правила игры, мне не ведомые.

— Почему роль денег упала?

— Есть условия, которые ни за какие деньги не купишь. И когда расплачиваются этими условиями, то трудно найти для них денежный эквивалент. Например, за то, что сестра милосердия родом из провинции работает в 4-м управлении, она получит через определенное время московскую прописку, а затем и квартиру. Она может доставать импортные лекарства в аптеке 4-го управления, которые недоступны даже академикам, героям и лауреатам. А что может быть ценнее нужного лекарства, если человек заболел? Ее ребенок может воспитываться в идеальных условиях детских садов 4-го управления и т. д.

— Ну а частная няня?

— Например, знакомый замминистра помогает дочери своей няни попасть в институт и получить квартиру. Какими деньгами мы могли бы это компенсировать? Существует, конечно, система взяток, но это считается аморальным как для получателя, так и для дающего и строго наказуется. Приличным считается лишь натуральный обмен услугами: она работает, он ей помогает телефонными звонками. Но телефонный звонок с просьбой означает, что и тот, кому позвонили, впоследствии тоже может обратиться к позвонившему с просьбой. Поэтому на подписанные данным лицом ходатайства не реагируют без соответствующего телефонного звонка. Служащих, которых устроили на работу по звонку, относят к разряду «позвоночных». Это особая, очень широкая

прослойка. Остальные служащие относятся к разряду «беспозвоночных» или бесхребетных. Поэтому человек, у которого в кабинете стоит телефон-«вертушка», очень много может сделать для своего окружения. Раньше «вертушка» стояла только у самых главных, а затем ее получили существенно более широкие чиновничьи круги. Моя сестрица называла таких людей «удобнопитеками», поскольку от них исходят разные удобства. Она вышла замуж за сына министра, получила чудесную квартиру. Получала за тестя по льготной цене большие пайки в так называемой столовой «лечебного питания», и то, что они с мужем не съедали, уступала знакомым, поэтому они жили очень хорошо.

— За деньги уступала? Продавала?

— За деньги. Но знакомые были счастливы, потому что продукты прекрасные, приготовленные в особых цехах. Потом она разошлась с мужем, тот женился на ее подруге, и сестрица с грустью сказала мне: «Теперь «вертушка» вертится для другой...» А министр затем был снят и стал послом в одной из маленьких капстран. Этот вид опалы называется «посол к черту».

— Вообще, все это неправильно.

— Как сказать. Система продуманная. Человек обладает властью и возможностями. Если ему не предоставить блага от государства, он будет их получать от людей, которым помогает. Либо в деньгах, что запрещено нашей моралью, либо в виде работы на него, снабжением продуктами «собственного изготовления», что не запрещено сегодняшней моралью, но было запрещено лет 10—20 назад. Тогда, между прочим, если человека снимали, то он терял все блага... Человек в достаточной степени боится такой опалы. Те, кто остался у власти, думают, что надо установить большую стабильность благ. Правда, у нас все блага, о которых я говорил, не переходят по наследству. Только вдовы сохраняют блага, а дети — уже нет. В особых случаях только. Внуки уже ничего не получают.

— Хорошо, хоть по наследству не передается.

— Да, но родители-то думают о детях. Раньше считалось дурным с точки зрения партийной морали помогать детям, покупать им машины, дачи, продвигать их по своей отрасли. Сейчас это все ушло в прошлое и о детишках заботятся. Иногда и дети, пользуясь своим влиянием на родителей, не теряются. Особенно ушлые оказались зятья. Слово «зять» стало как почетное

звание. Со временем и у зятьев появились зятя. Одного, я знаю, так и звали — зять зятя. Этому зятю зятя ничего не стоило организовать для заинтересованного лица нужный звонок, и он за это брал продвижениями, подарками. А нужный звонок, как я уже говорил, очень много значит — может быть для заинтересованного лица вопросом жизни. Так что тот факт, что блага не передаются по наследству,— палка о двух концах. Передавать по наследству — дурно, не передавать по наследству из-за несоответствия власти и благ — опять возникает полный беспорядок.

— Ну а какой-нибудь зять зятя или зять зятя зятя не может нам помочь найти няню?

Это Аннь спросила, когда мы уже подъезжали к нашей даче, где у ворот нас дожидалась очередная кандидатка в няни, босая, в странной одежде, пришедшая по объявлению. Кого мы только не повидали! Эта, как я догадался после разговора с ней, только что убежала из дурдома.

В театры мы никогда не ездили. Не рекомендовали нам показываться в общественных местах и афишировать наш брак. Правда, до оформления нашего брака Аннь мне говорила:

—Хотите куда-нибудь сходить в театр? Ведь я могу попросить билеты.

Это было накануне пасхи. Я говорю:

—Попроси два билета в Елоховскую церковь, сходим на крестный ход.

Она позвонила. Ей ответили со смехом:

—Ты куда звонишь: у нас не патриархия!

И мы пошли в церковь в Зачатьевский переулок, где отпевали моего отца, и я помнил в лицо старосту. Мы пришли рано. Потом появились еще какие-то группки иностранцев. Милиция. Нас оттеснили милиционеры, образовав круг. А других иностранцев пустили. Уже когда крестный ход проходил, Аннь спросила милиционера:

— А почему нам с ними нельзя?

— Потому что они уже были в церкви.

— Раз они уже были, то теперь нас нужно пустить.

Милиционер понял, что это логика не советского человека, и пропустил нас.

Ходили как-то на знаменитого барда, который выступал в небольшом актовом зале одного вуза. Хотя мы сидели отнюдь не в первых рядах, он после выступления просто бросился к Аннь. Аннь подумала, что он ее с кем-то спутал. Тот действительно поздоровался как с родной, расспрашивал, рассыпался, еще не остывший от успеха. Тащил фотографироваться в комнату с надписью: «Партком» — и держался так, как будто никого кругом, в том числе и меня, вообще не существовало. Хотя я несколько раз отвечал за нее на его вопросы:

— Я объяснил ей смысл ваших песен. Она не улавливает некоторые нюансы. Между прочим,— пробовал я его остановить, заехать с другого конца,— мы с вами соседи по даче. Заходите. Мы с Аннь будем рады,— приглашал я без особого энтузиазма.

— Я на даче редко бываю,— отреагировал он, наконец что-то сообразив и потухая.

— Вот что значит быть дочерью большого человека,— сказал мне с завистью знакомый организатор, пригласивший нас.

— Да что вы, откуда он знал?

Это было незадолго до смерти барда. Он слегка прихрамывал.

Когда-то за Аннь ухаживал, рассказывала ее сестра, известный певец. И много других замечательных и красивых молодых людей. И вообще она жила интересной жизнью, бывая за рубежом, на приемах, на съездах, олимпиадах, на парадах. А я заточил ее в какую-то берлогу, где по ночам только ухают совы да крадется эксперт по сексуальным вопросам.

Может быть, хоть ненадолго в Москву?

Адвокат-законник мне сообщил, что я могу обратно прописаться в московскую квартиру, если я буду отсутствовать менее шести месяцев. А раз квартира кооперативная и я к тому же ответственный съемщик, то через любое время. Через пять месяцев я решил прописаться обратно в Москву. Пришел в милицию. Майор сообщил мне все ту же формулу, которую не знал адвокат:

— Выписка не дает вам права на обратную прописку. Попробуйте через

Моссовет. Но сейчас трудно.

Мой приятель — замдиректора одного из институтов в Богородске — посоветовал оформить к нему командировку и написал на бланке письмо в милицию примерно такого содержания, что по заданию директивных органов я-де должен был находиться в Богородске с такого-то по такое-то число. Такого-то моя командировка кончается и мое пребывание в Богородске необязательно. Что-то в этом духе, но более канцелярским стилем. Ушлый майор тут же спросил:

—А когда командировка началась?

Я пошел к его начальнику. Начальство сказало:

—Ты же видишь — по заданию директивных органов. Прописать.

С рождением Тани отношения резко изменились. Родственники поняли, видимо, что нашу семью уже не разобьешь. Все, за исключением отца, приехали поздравлять. Извинились за прежние письма (нам-де было велено так писать). Аннь была очень довольна мной: я держался не так, как обычно, а более солидно, как у них полагается. Так что родственники отнеслись ко мне положительно.

У них приняли новый закон, согласно которому брак с иностранцем, если при этом родился ребенок и при каких-то там еще условиях, которые в нашем случае были выполнены, разрешается. Таким образом, хотя и задним числом, но Аннь не совершила противозаконного поступка, вступив со мной в брак. Это первый шаг к полному прощению и признанию. И народ постепенно будет привыкать к таким казусам. Постепенно все образуется. Поэтому мои контакты с дедом возможны, но только в будущем.

Сразу после опубликования закона звонит Аннина подруга, которая любила немца из ГДР.

— Аннь, мы тебе памятник поставим! Ты наша героиня! Ты пробила такую стену. Я так рада, что твойотец на себе, на своей семье испытал, как нелеп и жесток закон, запрещающий браки. А теперь уже ты своими руками уничтожила жестокий закон. Я так счастлива за тебя, за себя, за всех нас.

После примирения семьей Аннь с Леной поехали к деду. Он просил прийти к нему в мертвый час, незаметно для его помощников. Но как только поиграл с ребенком, махнул рукой на все секреты. Он хотел, чтобы поставили кроватку у них на даче и Лена была с ним все время, пока он гостил в СССР. Лена вначале относилась к нему резко отрицательно.

— Инстинктивно чувствует опасность с моей стороны,— объяснял он Аннь.

Он стал действовать по методу академика Павлова. Велел изъять все бананы из дома и кормил ими ее только сам лично.

Лена исчезала куда-то недолго, все искали ее. Потом появлялась с бананом. Значит, была у деда.

Аннь сказала мне, что он очень привязался к Лене.

— Откуда ты взяла?

— Я видела, как он следил из окна, когда мы гуляли, и как он ждет ее.

Когда они провожали его в аэропорту, Лена обняла его за шею и поцеловала. Для Лены это была редкость. Она была очень скупа на такие проявления. Я был удивлен.

— Ты сказала деду, что это для Лены редкость?

— Дорогой мой, тут никаких слов не надо было.

А помощники и секретари еще до его отъезда, посчитав, что примирение состоялось (или сделав вид, что они так поняли), без согласования с ним, видимо сгорая от любопытства, нагрянули всем скопом к нам.

Я был в ударе, держался несолидно и смешил их весь вечер. Некоторые мои шутки возмущенная Аннь даже не переводила. Дед был очень недоволен, сердит, что они поехали. Но доволен был, что они меня так хвалят. Все-таки отец внучек.

В каждый свой приезд он таскал Лену с собой в цирк, водил на открытие Олимпиады, где она в самый неподходящий момент подняла крик.

Расскажу еще один забавный эпизод. Это было во время кампучийского

кризиса.

Дело в том, что Аннь, как это ни странно, с большим интересом и сочувствием относилась к «красным кхмерам». Я говорил:

— Они уничтожили культуру.

Аннь возражала:

— Любая революция на первых порах не щадит культуру

— Ты как-то рассказывала, что из-за лишней съеденной картошки избивали ребенка.

— Но так же поступили бы и с любым руководителем. Там все равны. Все питаются тем же.

— Сколько жертв! Сколько людей они перебили!

— А Сакрэ Кер построена не в память жертв Парижской коммуны?

Я, смеясь:

— При полпотовском режиме я бы не мог на тебе жениться. Там нужна хорошая характеристика для этого. Я бы такую не получил.

— Любил бы, получил бы: мне пришлось бы меньше тебя перевоспитывать. Вот это правда. В этом что-то есть.

— Ну, я бы не хотел там оказаться в качестве туриста. Ты же сама рассказывала, что одному из послов пришлось ехать домой, чтобы пришить пуговицу на робу, которую ему там выдали. Наверное, туристам они тоже выдают роботы.

— А я бы хотела поехать туда.

— Жить?

— Нет, посмотреть.

— Но народ не принял этот режим.

— Принял. Видишь, какие силы сломить не могут.

Что Лена слышала из этих бесед, что поняла, неизвестно. Но в самый разгар войны на одном приеме, когда она сидела рядом с дедом, она его спросила:

— Дедушка, а ты зубы не обломаешь?

Аннь рассказывала, что если бы переводчик несколько раз по-разному не пытался бы перевести эту фразу, то, может быть, она не привлекла бы всеобщего внимания.

— А что ответил дед?

— Он оскалил зубы и показал Лене.

Я ругал Аннь за то, что много выбалтывает отцу.

— Ты как шпион. Что ты ему болтаешь? У нас небось думают, что это я тебя подучаю.

— Ты знаешь, что я не из болтливых в отличие от тебя. Но папа так умеет выпрашивать, что невозможно не ответить.

— Например, когда он сказал, что в СССР хороший урожай хлопка, ты ответила: «Не знаю, у нас все простыни рваные». Это что, он выпрашивал? А потом не случайно Мазурин повел тебя в секцию ГУМа для начальства, и вы купили новые.

— Вот видишь, какой положительный результат, а ты ругаешься.

— Я же не разбалтываю секретов, которые ты мне рассказываешь про ваше начальство.

— Да у вас не знают и того, о чем вся наша страна знает. И не хотят знать. Не хотят даже знать, что у нас принято, а что неприлично. Брежнев целует отца прямо в губы. Можешь себе представить! У нас же вообще не целуются.

— Ну, Брежневу необязательно знать ваш этикет. Твой отец много такого делает, что у нас не принято. Ты же не говоришь ему.

С нашими тоже отношения изменились. Мы были на каком-то небольшом приеме у сестры Аннь. Там присутствовали ответственные работники Лбов и Мазурин. Лбов — из рабочих, знает восточные языки. Недавно получил повышение. Аннь очень хорошо к нему относилась.

Когда отец очень рассердился на Лбова за одну ритуальную оплошность, Аннь с сестрой заступились («Из рабочих, не может понять наших тонкостей, прости, папа»), и отец в конце концов простил.

К Мазурину Аннь тоже хорошо относилась.

— Только не попадись, он хитрый, обманет,— шутливо предупреждала она.

— А что же отец не попросит его сменить, если он обманывает?

— Так у него же это на лице написано, а посадят другого, у того не поймешь.

Это Ленин нам дорожку проторил,

Это Сталин нам дорожку проложил.

Частушка

Тут же после примирения посыпались и предложения благ. У меня сидел друг, когда Аннь позвонили и предложили квартиру.

Аннь в трубку:

— Обыкновенную, чтобы можно было жить и работать.

Друг шепотом:

— Просите большую.

Аннь — в телефон:

— У вас же нет больших квартир.

Ответ:

— У нас все есть. Смотри, как бы полы не устала подметать.

Аннь:

— Нет, мне не надо. Как у всех, обыкновенную.

Друг:

— Аннь, ну вы бы подумали о детях. Они же растут. Деда не будет, поезд уйдет. Попробуйте тогда позвонить тому, с кем вы разговаривали,— не дозвонитесь.

Я — Аннь:

— Когда деда не будет, посмотрите, что с вами всеми, детьми, будет. У нас в стране есть опыт.

— У нас по-другому, отца и после смерти будут чтить.

Недолго. Ндолго, потом переименуют все, что называли в его, честь,

могилу перетащат и все беды свалят на него. Ваша история повторяет в основном нашу. Твой отец у вас, как у нас был Сталин. У социализма, как и у любой другой формации, есть свои законы. Только Мао Цзэдун, например, из Ленина быстро превратился в Сталина. Как Кромвель из Робеспьера в Наполеона. В мясорубке, которая наступает после революции, не только у высшей власти оставаться сложно, но и просто участникам не так-то легко остаться в живых. Возглавлявшие революцию сменяются тем слоем, который с их помощью перешел на новый энергетический уровень. И этот слой, как правило, находится на более низкой ступени развития, чем сами революционеры. Так что совершившим революцию надо потом не высовываться, как аббат Сийес, который «оставался живым». А можно вовремя менять цвет, как это делал величайший полицейский Фуше.

— А у вас?

— У нас наоборот, Сталин оставался при всех существенных переменах, зато сменялись часто руководители карательных органов, причем последующий казнил предыдущего.

Друг:

— У нас только первые два скоростно скончались, а Ягоду, Ежова, Берию, Абакумова, Рюмина по очереди расстреляли.

А н н ь:

— Фуше приспособлялся к тем, кто сильнее. А Сталин сам был главной силой, и, когда он умер, все переменялось.

— Как Фуше предавал и сажал своих хозяев и соратников, так и Сталин сажал своих сторонников, возглавляя следующий слой, который объективно приходил на смену. В противном случае оба они пали бы вместе со своими друзьями, точно так же, как если бы во время войны Сталин быстро не перестроился, то погорел бы вместе со своими старыми маршалами. Под конец жизни Сталина объективно новый слой должен был прийти к власти. На XIX съезде Полит бюро было преобразовано в Президиум ЦК, и обладавший острым нюхом Сталин ввел в него новых людей. В том числе Брежнев, не будучи до съезда даже членом ЦК, после съезда стал сразу секретарем ЦК. Сталин поддержал новых людей, чем несколько опередил события, не сумев одновременно уничтожить старую гвардию, как это он делал раньше.

Только жен посадил. На этот раз дал слабину. Поэтому умер незадолго до своей смерти, как это любил говорить Аверченко.

А н н ь:

— Ты хочешь сказать, что его отравили?

— Ловким ходом устранили от него лечащих врачей, например. После чего старая гвардия разогнала всех новых людей. В частности, Брежнева вывели из ЦК, Андропова отправили послом и т. д. Но от исторической объективности не уйти, и на средний слой новых сил оперся представитель старой гвардии Хрущев и внезапно нанес удар по культу личности, метя, в соперников. Те, забыв прошлые раздоры, сговорились и провалили Хрущева на Политбюро. Из новых к ним примкнул только Шепилов. Но новые оказались сильнее, почти все Политбюро было объявлено антипартийной группой. А впоследствии убрали и Хрущева, как переходную фигуру.

— А если бы Сталину удалось уничтожить старую гвардию?

— Переход к периоду Брежнева был бы более плавным.

— По-моему, все же Сталин был всемогущ. «Великий вождь народов».

— Безусловно, чтобы оставаться всемогущим, надо было умно лавировать, иногда меняя полностью свою позицию. То есть приспосабливаться к новым партийным слоям и чувствовать психологию активных и наиболее сильных масс населения. Сталин уже при жизни Ленина перехватил всю власть. Но, несмотря на письмо Ленина к съезду, где он дал Сталину уничтожительную оценку, Сталин канонизировал Ленина. А себя поставил на второе место. Так что получилось как бы бессменное руководство, как одно лицо, что обеспечивало устойчивость.

— У Ленина был такой авторитет, что его невозможно было поколебать. А у Сталина не было? Почему же говорят о его культе?

И я принимаюсь объяснять, что все положительное приписывается вопреки марксистской теории о роли личности одному человеку — Сталину, а сейчас в кулуарах вопреки той же теории — все отрицательные явления того времени. От личных качеств руководителя зависит только, перегнул он палку или ослабил. Сталин ее здорово перегнул. Даже лозунг тех времен «Догнать и перегнать» народ переделал в «Догнуть и перегнуть».

Я имел в виду политику по отношению к крестьянству, давление на культуру, режим по отношению к иностранцам и в быту, силу инерции, которая доводит эту систему до некоторого кризиса.

— Кстати говоря, сталинскую философию у вас продолжают почитать. Твой философский словарь — перевод нашего сталинской эпохи. Да и лагеря пере воспитания у вас тоже есть, где насильно заставляют учить марксизм.

— Ну это ведь не физические мучения.

Смеюсь:

— Это у них надо спросить, что бы они предпочли. Я, кстати, сам добровольно записался в Университет марксизма-ленинизма. Так что по четвергам я буду приезжать поздно. Говорят, мужик ведет замечательный, все в восторге.

— Ты бы сказал, что у тебя маленькие дети.

— Я и так последний остался. Должно быть полное поголовье.

— Я дам тебе справку, что ты у меня здесь прошел лагерь перевоспитания...

Друг:

— Я буду свидетелем.

Когда друг ушел, оказалось, что Аннь обиделась за отца и серьезно огорчилась:

— И учти, все эти твои выходки рано или поздно доходят до отца. Сестра уже сказала ему, что ты его не уважаешь.

Я стал оправдываться, пытался развеселить, шутить:

— Конечно, ничего похожего с нами. Уж и пошутить нельзя. Не сердись. Это у нас как раз в те времена за шутки любили сажать.

— За какие?

— Например, тогда полагалось речь кончать словами: «Спасибо дорогому Сталину за счастливую жизнь». А один пошутил или, скорее, перепутал, сказав: «Спасибо счастливому Сталину за дорогую жизнь». Его, конечно, взяли. За анекдоты, частушки брали.

Тут я был большой мастак и пел ей непрерывно частушки,

пока она не развеселилась и не простила окончательно.

Аннь со своим комплексом деликатности вечно ставила других под удар. И в данном случае с квартирой. Приедет ее амбициозная мамаша, увидит плохую квартиру, и тем, кто ее дал, влетит. Уже говорила, что мы живем тут чуть ли не в хлеву (обстановки нет, мебели нет, беспорядок). Аннь сказала ей: «Нет денег, Он все деньги тратит на дачу. Я примирилась. Другие пропивают, а он тратит на постройки».

Я помню, мой ученик вез из Москвы беременную Аннь. Вез слишком быстро или тормозил слишком резко, но у Аннь начались боли. Она приняла ношпу, но постеснялась ему сказать, чтобы он ехал аккуратнее. В результате целый месяц я ее колол магнизией и применял, как выражалась няня, «болеудаляющие» средства, а на ученика невольно сердился за невнимательность.

Аннь студенткой никогда не брала денег, которые ей передавали от отца, жила исключительно на стипендию. Но отцу об этом не говорила. Не говорила потому, что один раз маленькой девочкой случайно выдала работника, который присвоил деньги, посланные ей на обучение музыке. Она жила тогда за границей. Аннь сказала отцу, что за уроки не платили и поэтому она не занималась. Этого работника она очень любила, но не смогла защитить его от гнева отца.

Я вспоминаю эпизод, который мне рассказывали Аннь и Ни. Они были на первом курсе. Как-то один знакомый — высокопоставленное лицо — им сказал:

— У меня самолет. Хотите слетать на родину на неделю? А вернетесь с отцом Ни.

И они вместе с его племянницей сорвались с места и полетели. По дороге остановились в Китае. Он оставил их в посольстве, никому ничего не сказав впопыхах, а сам отправился по делам. Сильно там задержался. Только на другой день приехал.

Девочек вырвало в самолете, они отдышались и захотели есть. Пошли в столовую. А там советские деньги не берут. Аннь заметила толстого человека, который когда-то работал у них в доме. Подошла к нему, тот ее не узнал. Она не напомнила. Спросила, не поменяет ли он рубли на их деньги. Тот отказался. Аннь

говорит:

— Мы голодные. Нет ли у вас лишнего хлеба?

— Хлеб есть, но он мне самому нужен.

Пошли во дворик посольства. Там растут персики. Стали есть. Охранник увидел, наорал. Можно есть только палые. А они гнилые. Наелись — заболели животы.

На другой день приезжает высокопоставленное лицо. Спрашивает племянницу:

— Ну как?

Та заплакала:

— Есть хотим.

Он ахнул:

— Как?! — и по столу кулаком.

Что было в посольстве, не знаю, но легко могу себе представить.

Спрашиваю Аннь:

— А про толстого ты матери рассказала?

— Рассказала.

— Она его вспомнила?

— Вспомнила, конечно.

Ну, думаю, похудел он, наверное, после этого.

А детишки росли, веселые, счастливые. Лена говорить стала очень рано, роста еще была совсем крошечного. Однажды, когда она находилась вместе с Аннь в больнице и они гуляли в скверике, она подошла к какой-то молодой женщине с коляской и спросила:

— Тане не холодно? Вы ее хорошо укрыли?

Лена попала в точку. Девочку действительно звали Таней, и ей действительно было холодно. Потрясенная мать укутала ее.

Таня же долго не говорила. Как-то Аннь с Леной уехали к отцу, мы были одни с Таней, и она спокойно спала в своей кроватке. Вдруг какой-то мужик

громко позвал меня. Боясь, что он разбудит Таню, я высунулся в окно, но никого не было. Снова зовет. Я туда, сюда — никого. Оказалось, это Таня из своей кровати басом. Мое имя она выучила, но потом долго никаких других слов не говорила. Нас это начинало беспокоить. Однажды я увидел, что какой-то пьяный у забора присел и глядит на Таню. Я подошел, и он немедленно сгинул. А Таня вслед ему крикнула:

— Непременно заходите к нам, когда освободитесь.

Я бегом к Аннь, рассказываю. Аннь не верит. Да я сам ушам своим не поверил. Может, у меня галлюцинации? Через пять минут Аннь, тоже потрясенная:

— Да, действительно говорила!

— Как ты узнала?

— Она все время бормочет эту фразу.

Позже Таня никак не могла произнести слово «тапочки».

— Скажи «тапочки».

— Пяточки.

— Скажи «пяточки».

— Пяточки.

— Скажи «тапочки».

— Пяточки.

И так каждый день. Аннь спрашивала, пройдет ли это. Я говорил, что это пройдет, что она проходит определенный уровень развития, на котором, правда, некоторые останавливаются. Например, моя няня не могла произнести слово «каблук», говорила «колбук». Вместо «Ессентуки» — «Сюньдюки», вместо «Нарзан» — «Назар», вместо «шезлонг» — «седло». А другая няня даже не могла произнести имя-отчество моего отчима («язык не выговариваить») и говорила вместо «Борис Федорович» «Федор Бористевич».

«Ну вот, — сказал сосед, — я и забрел».

«Что избрел?» — я спросил, скупая.

«Да ничего, дружок, не избрел.

В нашем поселке зимой никто не жил. Зато в соседнем жили. Это был кооператив с огромными участками и дачами, с многозначительным названием «Му-жикили» (музыка, живопись, кино, литература), которое можно было применять как к определенному члену поселка: «Мужик или...» — так и ко всем вместе: «Мужики ли?»

Писатели — те, вообще, жили безвыездно, творя, прямо не отходя от дачи. Поэты описывали вид из окон, прозаики — одних и тех же пьянчуг, которые шлялись по нашим дачам. Они как бы брали пример с барбизонцев, которые, как известно, всем скопом писали один и тот же пейзаж. Конечно, мне далеко до наших мастеров пера, и поэтому я надеюсь, что их нельзя будет опознать по моему описанию, но по их зарисовкам я немедленно узнавал натуры. Один как-то, например, описал свою беседу по дороге с попутчиками от автобусной остановки до дачи, и я их всех до одного немедленно опознал. Кроме того, я догадался, что у него сломалась машина, он, чертыхаясь, поехал в автобусе и, будучи под сильным впечатлением от этого события, сразу написал небольшой, но блестящий рассказ.

Называли они друг друга сокращенными именами и прозвищами. Если, например, молодая дама сообщает: «Мы с Петиком идем на междусобойчик», то это вовсе не с ребенком, а с очень старым человеком. Спросить, кто такой Петик и что такое междусобойчик, неудобно. Ясно, что Петик — это лицо, как сказано у Булгакова, «столь высоко вознесенное, что не имеет даже фамилии».

Что такое междусобойчик, я тоже понятия не имел. Я только видел, что этому событию предшествовала предварительная суeta на улочках:

— Это ты, Файдыш? А где же Моня?

Заезжают к нам соседи по квартире — люди этого же круга:

— Мы к вам по дороге. Были у Верика. Там была Танюша.

Как узнать, кто это? А спросить нельзя. Удивленно посмотрят. Хорошо еще, если имена редкие, такие, как Эльбрус, Август, Аскольд, Веспасиан, Антоний или даже просто Вердикт, а если Фенька, та же Танюша, Люся? Впрочем, Веспасиана звали все равно Васькой, Антония — Монеи, и, наоборот, полное имя Люси было Зюльфия Эльпедифоровна.

Для Аннь это было как раз проще. Жителей из нашего поселка, так же как и моих коллег, она постоянно путала.

— Почему ты их не можешь запомнить?

— Потому что они все оканчиваются на «ов».

Для Аннь это было как для нас грузинские имена в кинофильме — все разные, а отличить трудно. Значит, как раз беда в том, что я называл их по фамилиям. А имена-отчества для нее всегда были затруднительными. Помню, когда зашла патронажная сестра и спросила имя, отчество и фамилию Лены, Аннь сказала, что она еще не выучила.

В поселке было заведено правило останавливать свои сверкающие лимузины и любезно подвозить незнакомых людей до остановки автобуса, иногда до Москвы или до магазина. Как-то нас посадила одна дама, и уже в Москве у нее кончился бензин. Подъехали к бензоколонке для государственных машин. Молодой человек, который ехал с ней, на ее грустное: «Не нальют» — бодро крикнул: «Нальют». И, выскочив из машины, подбежал к окошечку бензоколонки и начал показывать пальцем на нашу водительницу, убеждая девушку: «Видите, кто едет?» И та действительно тут же отпустила бензин. Я спросил у водительницы, с которой раньше однажды встречался:

— Кто это?

На сей раз я не боялся показаться необразованным.

— Муж он мне, — ответила та, сверкнув глазами.

Однажды нас подвозила дама еще старше. Медленно ведя машину, рассказывала:

— Вы знаете, дочь моей подруги вышла замуж за комсомольца. Такой ужас! Он ходил в тапочках.

Аннь была потрясена. Когда вышли из машины, она спросила:

— Разве у вас не все комсомольцы?

— Да она рассказывала про далекие времена. Были молодежные общества, которые специально шокировали чем-либо обывателей.

Мы привыкли к этому прекрасному правилу — подсаживать, а отдыхающие близлежащего санатория поражались, и когда у них не брали денег, то догадывались, что подвез, наверное, кто-то из знаменитостей.

— Скажите по крайней мере, кто меня вез, чтобы я знал,— говорил, вылезая, один из посаженных.

— Александр Македонский.

Тот ушам своим не поверил и долго еще стоял на дороге, разглядывая визитную карточку, на которой действительно было написано: «Александр Моисеевич Македонский».

Александр Моисеевич был скромный и умный человек, которого в поселке звали просто Буба.

Породу собак разводили в поселке самую свирепую в мире. Один из этих псов откусил нос вышеупомянутой Танюше. Причем хозяйка пса крикнула из фортки хозяйке носа:

— Танюша, подбери нос!

На что, говорят, Танюша очень обиделась. И напрасно: совет был дельный, поскольку собака нос выплюнула, и его можно было впоследствии пришить на место.

Когда мои девочки ходили к кому-нибудь из детей в поселке на день рождения, это было для них большим, веселым праздником. Обычно родители заранее тщательно продумывали весь сценарий праздника. Но пес, запертый где-нибудь на втором этаже, весь праздник грозно рвался наружу, кидаясь на запертую дверь, грыз ее и скреб лапами. И если бы не иностранные диковинные запоры и замки, которые тоже культивировались в поселке, то страшно даже себе представить, чем мог бы закончиться праздник.

Основной собачий питомник был у Веспасиана. Его собаки, постоянно воспроизводящие, согласно теории академика Лысенко, все более ужасающих на вид псов, однажды прорыли лаз в вольере, перемахнули через грандиозный забор и загрызли какого-то рабочего. Но не насмерть. Веспасиан откупился такой суммой, что местные ребята сообщали ее только полусшепотом.

— Это сколько же можно пить на такие деньги! — мечтали они вслух.

Одного щенка Веспасиан подарил и мне. Мы, правда, практически не были знакомы, хотя он меня называл, не помня, видимо, моего имени, «старик», а я стеснялся называть его, как все, Васькой.

— Положи, старик, двадцать копеек вон на тот столик,— крикнул он мне, с

головой погруженный в работу, как будто боясь потерять мысль, которую записывал с бешеной скоростью.

Я положил двадцать копеек согласно суеверному правилу на краешек ломберного столика, почему-то до отказа заваленного помятыми крупными ассигнациями. Но эта предосторожность не помогла. Щенок, как только достиг шестимесячного возраста, свободно перепрыгивал через забор, а сидя на цепи, непрерывно выл. В конце концов он удрал в неизвестном направлении и, возможно, разбойничает где-нибудь на большой дороге, как собака Баскервилей.

Кроме собак в поселке культивировали кошек, белок, одна бывшая балерина даже подкармливала местных крыс. Животный мир поселка разнообрази-ли— то интересная дама с изнеженной обезьянкой, то прихрамывающий, со скорбным лицом Моня с большим попугаем на плече, жестоко клюющим тех, кто по обычаю поселка хотел поцеловать Моню в губы. Одно время по улице прогуливался человек со львом, но это было раньше, до нас. Нам с Аннь он показывал лишь фотографии красавца и его очень ухоженную могилу со скамейкой. Беднягу пришлось застрелить, после того как он растерзал встречного милиционера. (Остальными, видимо, он просто пренебрегал.) Впрочем, это, может быть, сделал другой лев, а застрелили по ошибке этого, я точно не помню всей истории.

Аннь обезьян и львов не уважала. Огромный «обезьян», который жил у них в доме, всегда дразнил ее и строил рожи, поскольку другие дети — дети персонала — часто его обманывали, подсовывая вместо банана засунутую в банановую кожуру горчицу. Аннь очень любила лишь слона. Он очень умный и верный, а бежит со скоростью двадцать километров в час. Я говорил при нашей няне, что надо будет выписать его и поселить в гараже вместо автомобиля:

— Я буду ездить на нем на работу.

— Уйду, уйду от сраму,— грозила няня, ужасаясь.

У многих в поселке в домиках при гараже обитали дачники, как правило, хорошие знакомые хозяев, люди того же круга. Только вдовы иногда сдавали и часть основной дачи — первый или второй этаж. Тут уже жили не только люди искусства. Как-то гуляя с няней или с Аннь, дети познакомились с мальчиком их возраста и его вальяжной няней и мамой, полнеющей молодой женщиной с красивым, несколько простоватым лицом. Потом мы ходили с детьми на его день

рождения. Это было зимой. Прошли гуськом нарядные, огибая темные сугробы по мрачноватым закоулкам нашего поселка, и вышли на освещенную и ровную аллею их поселка. Потопали, отряхнулись и заново родились. Пошли уже кучно: дети, сосредоточенные, со свертками-подарками, Аннь на каблучках, и я в распахнутой шубе. Подошли к вилле, которую они снимали у вдовы писателя по имени Фенька. Калитка открыта — навстречу нам молодая хозяйка, Нянька, радость, охи и ахи, хлопоты в прихожей, раздевание. Где-то сбоку кухня, а там явно — пироги, пироги, пироги. В меру любезный молодой хозяин с очень ухоженными волосами и усиками, весь в чем-то мягком, чуть ли не в мягких туфлях. Он не низок и не высок, не худ и не толст, не блондин и не брюнет. Нет, пожалуй, на брюнета больше тянет, а хозяйка — та на блондинку.

Стол роскошен. Сервировка, заморские вина в диковинных бутылках. Дети как-то отдельно, быстрее поели и начали играть, а мы еще сидели за столом, и я любовался на моих девочек в цивилизованной обстановке. Детей было немного, да и гостей было немного. Хозяин не пил, а хозяйка развеселилась и держалась несколько более легкомысленно, чем это дозволено в моем чопорном ученом кругу. Она настояла, чтобы мы остались, а дети с няней ушли одни спать. Затем внимание всех, кроме меня, сосредоточилось на только что подаренной детской игрушке — человечках на мотоциклах, которые едут по разным горкам, ухабам, случайным образом ускоряясь и замедляясь. Пускали их — какой вперед придет: синий, красный, зеленый, голубой, коричневый? Действительно забавно, прямо соревнования. Говорили, показывали, а потом каждый назвал два цвета и пустили мотоциклистов. Аннь назвала красный и синий и выиграла — первыми пришли красный и синий. Всегда новичок выигрывает — телепатический закон.

Оказалось, что ставка по рублю, и Аннь выиграла шесть рублей. Стали собирать, открывать бумажники, менять деньги. Я вытаращил глаза на толстые аккуратные пачки сотен в их бумажниках и толкнул Аннь — домой. Извинились: дети могут проснуться и позвать нас, нас нет — не заснут снова. Хозяйка нас не отпускала, может быть, несколько более настойчиво, чем это принято в моем чопорном ученом кругу. Я уж не говорю об Аннь: она просто взбесилась. Уже по дороге говорила:

— Не могу жить в стране, где такие женщины, не могу, чтобы девочки росли и воспитывались в стране, где такие женщины. У нас так себя не ведут.

— Смотря где у вас. И когда. Все будет меняться очень быстро. Когда европейская цивилизация и европейская мораль прививаются к восточной, то гибрид может получиться такой, что этой красоте и не снилось. Например, в Узбекистане по старым правилам, . если замужняя женщина шла под руку с другим мужчиной, то муж должен был то ли ее выгнать из дому, то ли убить, то ли и то и другое. То есть сначала выгнать и уже убить вне дома. Но зато, если она незаметно для мужа разрешала другому взять ее под руку, то дальше уже преград не было. Представь теперь себе, что в силу европейской морали и цивилизации любой мужчина ее может взять под руку. Понимаешь, что получится?

— Не знаю, но, вообще, какая-то странная компания там собралась. Эта, что слева сидела, типичная продавщица, а тот, что молчал, похож на бизнесмена где-нибудь в Клондайке, а тот, что напротив, похож на художника.

— Судя по фамилии, он сын известного кинорежиссера. Да и сам, кажется, тоже талантливый кинорежиссер, а на других я не обратил внимания. Какие, интересно, у них потом были ставки в эту рулетку, уж очень много денег они принесли, заметила?

Потом оказалось, что «продавщица» действительно была заведующей отделом крупного гастронома, «бизнесмен» — заведующим мастерской починки старинной мебели, хозяин был сыном генерала милиции в отставке. Он сам говорил про себя, что писал за крупного начальника его статьи и речи (референт, может быть?). Остальное время занимался перепродажей бриллиантов, а также давал займы под проценты и под обеспечение антиквариатом. Очень современный молодой человек, абсолютно честный по своим правилам игры. В их поселке, мне кажется, понапрасну считали его подсадной уткой. Ставка в рулетку потом стала в 100 рублей. Крупно проиграла заведомо гастронома. Ее муж приезжал ночью на машине, подвез деньги.

Когда мы вступили в нашу милую сердцу, пустую, заваленную снегом деревню, Аннь успокоилась. Я-то более терпим к разным компаниям и людям. Услышали лай нашего фокстерьера Бима, который проводил нас в гости, ждал нас там, возвратился с детьми и признавал свою ответственность в отсутствие взрослых хозяев. Вообще, в нашем поселке никто не живет зимой, кроме нас. Участки по сравнению с их поселком маленькие, дачки в основном тоже. Как только один вновь прибывший стал возводить постройку, существенно выделяющуюся, на него

тут же стали писать анонимки. Затем приезжали какие-то люди с суровыми лицами, осматривали. Уезжали, правда, с менее суровыми. Наконец на общем собрании поселка, когда народ стал бурлить против отсутствующего выделенца, я объяснил:

— Эта дача для нас будет своеобразным громоотводом. Воры прежде всего полезут в нее. Ну а если владельца посадят, то дачу отдадут под детский сад или пансионат. Вам же хуже будет.

Наличие детского сада в недрах поселка так всех испугало, что анонимки прекратились, а выделенец вздохнул свободно и достроил дачу. Но воры лазили к нему постоянно, так что он потом стал вздыхать не так свободно, но зато чаще.

Жизнь нашего поселка тоже проходит от нас где-то в стороне. Иногда слышны какие-то отголоски. Всегда, когда проходим мимо одной дачи с огромным количеством пристроек, из окна высовывается одна и та же личность и спрашивает страстно:

— Палыч, ты в магазин?

Или проходим с Аннь мимо другой дачи и слышим — хозяин-философ вопит высоким голосом: «Са-ха-ров», потом что-то невразумительное: «Та-та-та-та». Потом низким трагическим голосом: «Са-ха-ров», потом: «Ту-ту-ту-ту-ту». Аннь остолбенела:

— Что это с ним?

Я догадываюсь: репетирует речь против Сахарова.

Или иногда заходит рабочий:

— Налей, Палыч. Надо чево?

— Закопать помойку.

Наполовину закопает, приходит, говорит:

— Горючее кончилось.

— Чтой-то у тебя еще черненькая собачка завелась?

— Приблудилась к моему Биму.

— Хочешь, за бутылку аннулирую?

Аннь совсем не пьет и компаний навеселе не любит. Я из солидарности тоже обещал ей ни капли не брать в рот. Так что держу водку только для порядка.

Мы ходим в гости редко. Я много пишу, она готовится к экзаменам. Иногда заходит кто-нибудь из соседей. Аннь принимает очень радушно, совершенно непонятным образом ухитряясь придать простому чаепитию блеск аристократического приема.

Горит восток зарею новой.

А. Пушкин

Я боюсь врать. Наврешь, например: «Не могу приехать, дети заболели...» И обязательно дети заболеют. Так случилось и с этим враньем про юбилей. Он взял да и действительно наступил. Не то чтобы настоящий, конечно, но противная круглая дата. Я решил как можно дальше бежать от этой ужасной даты и поехал во Владивосток на конференцию. Аннь, конечно, собралась со мной. И вдруг препятствие: Владивосток — закрытый для иностранцев город. Она иностранка. Надо получать разрешение высоких учреждений.

Тут Аннь впервые затрезвонила по начальству. Я не дождался, уехал. Через несколько дней приезжает Аннь. Без разрешения. Ничего не добившись, узнала, что можно добраться без разрешения до какого-то пункта вблизи Владивостока, а там уже пешком, как шпион через границу. Взяла визу в Хабаровск, прилетела. Там показала мое приглашение на конференцию, свидетельство о браке, сказала, что хочет к мужу. Молодой железнодорожный милиционер не устоял перед просьбой такой дамы, купил на свое имя билет, и она нелегально приехала во Владивосток.

Приехала в гостиницу. Я чуть с ума не сошел от радости. С подарками. Ну и характер! Недаром родственники ее боялись. Я не ожидал такого поворота событий: ведь это наше запоздалое свадебное путешествие!

Подвожу к одному из тамошних ведущих ученых, знакомлю и шепотом:

— Пробралась нелегально, в гостиницу нельзя.

Он к какому-то флотскому начальству. Познакомил нас. И тот выделил нам каюту на маленьком корабле. Это не жизнь, а сказка!

Мы, как пьяные, целые дни шатались по городу, по кинотеатрам, ресторанам, пляжам. Вечером на речном трамвайчике — на наш островок, на корабль. Утром чудный завтрак в кают-компании, и снова, как матросы,

отпущенные на берег, ходим без дела. Сидим вместе на конференции, но я не могу от нее глаз оторвать. И участники говорят:

— На вас двоих приятно смотреть.

Словом, мешаем только.

Идем по набережной. Матрос драит подводную лодку. Я — Аннь:

— Хочешь посмотреть?

— А можно?

— Ну как, браток, покажем девушке лодку?

Весь подтянулся, улыбнулся:

— Проходите.

Лазили там пригнувшись, одуревшие от огромного количества незнакомых морских слов, которыми нас пичкал, объясняя детали с гордостью и удовольствием Ревунова-Караулова, наш бравый матрос.

Пошли от нечего делать в музей. Открыт только для экскурсий. Обратился к директрисе:

— Я сопровождаю иностранного ученого. Хотел бы показать ваш музей.

— Сейчас мы выделим лучшего экскурсовода.

Звонит:

— Галина Павловна, не могли бы вы показать музей иностранному гостю? Ничего, ничего, его сопровождает наш, советский, он вам поможет.

Мне, закрыв трубку:

— Вы поможете? Она боится.

— Разумеется.

— Очень, очень хороший, чудный, молодой (!). Поможет, поможет вам.

Говорю Аннь:

— Ты иностранный ученый. Идем.

Роскошная экскурсовод прямо поперхнулась при виде «иностранного ученого». Аннь, мать двоих детей, выглядела лет на восемнадцать. Кожа, цвет лица, талия как у стрекозы. Держится, правда, как-то обезоруживающе просто. Привыкла к моему бенберизму.

Музей очень интересный. Морские рыбы. Одна меня поразила.
Расспрашиваю про нее. Вдруг Аннь:

— Да я же тебе готовила ее, помнишь? И из ее муки пекла лепешки.

Ну что ты будешь делать с таким иностранным ученым!

Есть особое наслаждение ходить куда-то с очень красивой женщиной, полной благородства, не наедине, а именно на глазах у публики: Видеть, какое удовольствие получают те, с кем ее знакомишь. Любоваться ею в разных ситуациях, видеть ее как бы участвующей в разных сценах. Фотографировать в памяти на фоне кораблей. Это придает вдохновение, дышится по-другому.

Море восточное, и Аннь на этом пляже с восточным украшением — жемчугом, как принцесса из восточной сказки!

Но вот и я испытал впервые чувство ревности. К знаменитому барду в том эпизоде я не ревновал. Мне было неприятно, что он со мной, своим поклонником, держал себя более чем неуважительно.

Мы стояли в очереди в каком-то магазине. Перед нами — высокий молодой человек. Я взглянул на него и ахнул! Ну в жизни такого красавца не видел. Он стоял довольно гордо, не обращая ни на кого внимания, несмотря на то, что я просто вытаращил на него глаза. Сердце екнуло. Если Аннь увидит да сравнит! Куда девалось мое вдохновение?

Но Аннь не обратила внимания. Когда вышли, я сказал:

— С нами в очереди стоял просто фантастический красавец.

— Покажи.

— Он уже ушел.

Наконец наступил мой день рождения. Я никому не сказал. Мы поехали с Аннь в ресторан-поплавок. Вокруг кружатся чайки, шумят волны, пахнет морем. Сквозь окна — море. Слегка покачиваемся на волнах.

— А вдруг ты встретишь какую-нибудь женщину, полюбишь и бросишь нас?

Я на чушь не реагирую. Говорю:

— Поселиться бы здесь в будущем, отсюда твоя родина близко, будем ездить.

— Тебе здесь будет трудно без учеников и коллег.

— Да, ты права. Сюда никого не заманишь. Здесь глухая провинция. У нас, чем дальше от Москвы, тем глуше.

— А почему?

— Центробежная сила. Все дела решаются в центре — в Москве. Допустим, нам разрешат ездить отсюда к вам по каким-нибудь постоянным паспортам и в порядке исключения. Но любой другой ученый уже будет ездить отсюда к вам или в Японию через Москву.

Мы возвращаемся на наш корабль. Темно. Стоим на палубе. Дует ветер. И вдруг — чудо! Все корабли зажгли огни. Разноцветные. Сколько их! Отражаются. Мы медленно проплываем среди множества огней. Должно быть, мой день рождения совпал с каким-то морским праздником.

Аннь снова была беременна и увлеченно занималась своей квартирой в панельном доме, которую она себе выбрала. Несравнимо хуже нашей кооперативной. Но я понял, что Аннь, у которой ничего и никого нет не только в Москве, но и в СССР, обрадовалась возможности иметь собственный угол, куда она могла бы уехать, например, в случае ссоры. Не на родину же возвращаться! Ссору я помню только одну, и то по недоразумению. Я слушал вечером радио по-английски, Аннь не понимала и ушла спать в детскую. Прикрыв плотно дверь, чтобы не было слышно, я заснул. Аннь ткнулась, дверь крепко притворена, и она решила, что я не хочу, чтобы она возвращалась. Утром уехала к сестре, стажирующейся в Москве, которую, правда, она давно обещала навестить.

Словом, квартира давала ей некоторую независимость.

Одна ее замужняя подруга спросила как-то Аннь:

— Вы часто ссоритесь?

— Никогда.

— А мы все время! Как это вам удается?

— Он мне во всем уступает.

А ее родственники, наоборот, поражались, как у Аннь изменился характер. Дома была такая упрямая, а здесь во всем меня слушается.

Обстановку для квартиры покупали самую дешевую, иногда старую, но

чтобы хоть что-нибудь стояло. А Аннь любила чистоту, чтобы все было новенькое, с иголочки.

А на даче творилось черт знает что. Черная трусливая собачка без имени, роду и племени, которую я не дал аннулировать, подлизывалась, подлизывалась к моему важному фокстерьеру Биму, и тот, который поначалу плевать на нее хотел, вдруг влюбился. Свою свадьбу они справляли под домом. Вокруг ходило великое множество разного размера, пород и характеров псов. Бим строго охранял от них подпол, а они считали своим долгом охранять нашу дачу от прохожих. Сосед меня возненавидел:

— Если вы немедленно не уберете ваших собак, я их убью этой палкой с гвоздем. Они разорвали мне пальто!

А подлой собачке, как ни охранял ее Бим, надоело сидеть безвылазно на даче, точнее под дачей, и она пошла куда-то бок о бок со здоровым рыжим псом. Вся компания скрылась, и Бим бросился следом. Ночью он вернулся, залез под дом, два раза тяжело вздохнул и испустил дух. Он был совершенно бесстрашным псом и сражался до конца. Мы вытащили его багром и похоронили в лесу.

*Застынет все: что пело и боролось,
Сияло и рвалось.*

М. Цветаева

Мама жила в Москве с тетей.

Однажды. Звонит тетя извиняющимся голосом. Что-то невнятное про маму. Прошу маму к телефону. Видимо, подносит ей телефон.

— Что с тобой?

Еле выговаривает:

— Ничего.

Мчусь в Москву. Инсульт. Паралич. Кладу в больницу. Нанимаю сиделку. Переезжаем в Москву. Боремся за ее жизнь.

Немного отлегло. Маме чуть лучше, и как-то постепенно привыкли. Достаю лекарства через Аннь.

Моя жизнь прошла под знаком любви к матери. С раннего детства я дрожал

за ее жизнь, так как она была больна эндокардитом. Если мама плохо себя чувствовала, то это было написано у меня на лице. Я знал предвестники спазмов и лучше нее знал, когда надо ложиться и отдыхать.

Сыновья, которые так любят мать, мне кажется, всегда поздно женятся.
Сестра говорила Аннь:

— Смотри, он мать любит больше, чем тебя.

Но на Аннь это не действовало. Она полностью включилась в мои заботы о матери. Сестра пожаловалась отцу, но тот одобрил:

— Я тоже очень любил мать.

Но вот что удивительно. Сейчас, вспоминая, я это вижу как бы в другом человеке, не переживая вновь эту боль. А вот какая Аннь была прелестная в Москве, как она приходила в больницу или сидела на лужайке напротив, и я смотрел на нее из окна маминой палаты. Какое впечатление она производила на моих знакомых, которые лежали в той же больнице, это я не просто помню, это я ощущаю. Знаю, помню, я был подавлен горем. А сейчас мне кажется: как я был тогда счастлив. Беременность не портила Аннь, и в Москве она то ли оживала, то ли ей шла цивилизация. Это было в мае 1981 года.

Маму выписали в лучшем состоянии, и мы переехали на дачу. Мама расположилась в комнате над гаражом. Рядом в прихожей-кухоньке спала сиделка, которая учила ее ходить и ухаживала за ней.

У нас жила няня. И прислали, наконец, с Анниной родины другую няню, которую я очень просил. Все это, конечно, было мне не по карману, и я распродал с молотка хрусталь, фамильное серебро, картины, книги.

Аннин отец прислал с няней свой единственный подарок — панцирь и скелет огромной черепахи. Вот он висит передо мной на стене. Аннь этот подарок испугал и насторожил. Она сказала, что этих черепах полагается дарить парой. Потому что самец и самка этих черепах так любят друг друга, что, когда одна черепаха погибает, тотчас умирает и вторая. Пара таких черепах — символ любви и совместной одновременной жизни. Одна черепаха — плохой знак.

— Но ты же не суеверная?

— Конечно, нет. Но отец знает традиции. Впрочем, может быть, просто снял со стены черепаху и послал, не подумав.

Няню из их страны я очень ждал главным образом для того, чтобы дети выучились материнскому родному языку. Без атмосферы языка, разговоров между взрослыми Аннь детей выучить не могла. Когда спешешь и ребенок не понимает, то естественно все говоришь ему по-русски. А няня русского не знает. Аннь для нас просила обязательно пожилую няню, старую знакомую своей матери. Аннь боялась, что с приближением выборов отца опять может возникнуть опасность, что ее увезут... А старой маминой знакомой остерегаться нечего.

У отца действительно положение было сложное. И, как я слышал, его противники существенно использовали наш брак как аргумент против него. Наши же боялись, что приведут кандидата другой ориентации.

Няню все-таки прислали молоденькую и симпатичную, но довольно ленивую. За две недели дети начали немного понимать ее и сами что-то лопотать.

Аннь чувствовала себя не очень хорошо. Японский акустический аппарат сообщил нам, что будет мальчик и что рожать Аннь будет только через месяц. Но по всем признакам и подсчетам должна вот-вот родить. Я ей сказал:

— Ложись в роддом.

— Не хочу на Веснина. Ради избрания отца они пойдут на все. Я чувствую, что умру.

— Не плети ерунды, а то я немедленно положу тебя в общий роддом. Вызову «скорую».

— Ни за что: целый месяц лежать в роддоме?

Тем не менее я хотел бы положить ее на всякий случай. Но оказалось, что того гинеколога, который принимал первые роды, за что-то посадили, а я всецело был поглощен маминой болезнью. Тот роддом, где Аннь рожала Лену, был новый — не было опасности заразиться стафилококком. Аннины страхи я считал, с другой стороны, все же причудой. В роддоме на Веснина у нее была отдельная комната с телефоном и телевизором. Она как раз делала научную работу, отрываться от которой не хотелось, а там — все условия. (Когда она родила Таню, врач мне говорила, потрясенная: «Она в роддоме занимается наукой!») Тем не менее я стал искать приемлемый вариант. Но Аннь сказала в шутку, что я, наверное, хочу остаться на месяц вдвоем с няней Ли, и это тоже замедлило мои поиски. Кроме того, все анализы и справки не выдавались на руки — она как бы по закону должна лечь на Веснина. Если я кладу ее в другой роддом без доку-

ментов, то по правилам ее помещают с венерическими. Если с ней что-либо случится, то я отвечаю, почему не положил куда полагается. Все эти соображения притормаживали, но я потихоньку искал. 'Времени еще, я считал, много.

5 июля — мамин день рождения. Мама сидя принимала гостей. Потом сидели за столом на участке. Аннь все время что-то чертила, не обращая внимания на гостей. Хотя был знаменитый лирический поэт и бард, песни которого Аннь любила и давно хотела с ним познакомиться.

— Что ты чертишь?

Оказывается, расположение мебели в ее новой квартире. Наконец-то и Аннь стала вить гнездо, а сама упрекала меня, что я строю дачу.

С сиделкой мы еще раньше расстались. За мамой ухаживали я и Ли, а русская няня — за девочками, и вместе с Аннь готовили. В конце дня рождения няня отпросилась на выходной. Я ночевал около мамы, а Аннь с Ли и девочками в доме. Параллельный телефон позволял нам с Аннь общаться и вызывать меня. Ночью она вдруг начала набирать номер. Я проснулся, спрашиваю: «Схватка». С трудом попадая пальцами в циферблат, вызываю «скорую» из Богородска и из Москвы. Пока договаривался с Москвой, богородская «скорая» уже осветила фарами дачу. Врач «скорой»:

— Мы можем только в Подольск.

— Какая ерунда.

Везем Аннь в Москву, приезжаем в 25-й роддом. Он закрыт — ремонт. Только дежурный врач. Посмотрела, говорит:

— Время есть.

И вызывает по Аннинному документу «скорую» из 4-го Главного управления, где хранятся все данные на Аннь. Мы все-таки едем на Веснина.

Редчайшее стечение обстоятельств: мой гинеколог исчез, роддом закрыт.

Просто судьба нас приводит на улицу Веснина. Так же, как и на поликлинику и на аптеку, вывески нет, просто особняк. Я не разрешаю Аннь идти, хотя врач говорит — можно. Объясняю:

— У нее было плохое предчувствие.

Несем ее. Осмотрели. Все в порядке. Я хочу ждать там в приемной. Но вдруг

соображаю, что мама одна в своем домике. Двери нигде не заперты. Ли не говорит по-русски. А если приедет «скорая», напугает маму? Я разыскиваю такси и мчусь на дачу. Все спокойно. «Скорая» не приезжала. Почему? А если бы я не вызвал из Богородска?

В семь часов утра родился мальчик. Потом звоню снова:

— Как ребенок?

— Хорошо.

— Как мать?

— Приезжайте к врачу, он вам расскажет.

Моя машина не в порядке. Бегу к соседу. Он говорит:'

— Не волнуйся, ты что? Сейчас поедem.

— Ой, когда так говорят...

Гоним в Москву. На Веснина одностороннее движение. Едем против движения. Влетаю. Врач занят.

— Ничего сказать не можем.

Затем спустился врач.

— Кровотечение. Все мы дали кровь. Сейчас кровотечение остановилось, зажали вены. Привозят новую кровь.

— Опасно для жизни? — свой голос я не узнал.

— Боремся за жизнь.

Мы с Аннь оба все время дрожали, что счастье рухнет, что что-то' случится. До суеверия. Цеплялись за него обеими руками. Только в последнее время напряжение у меня стало спадать и я стал как-то расслабленно в этой сказке плавать. Утром проснешься, я ли это?

Девочки тоже такие счастливые. Даже во сне у них счастливое выражение лиц. Не верилось, чтобы так продолжалось. За что мне такое?

А сейчас, когда нависла реальная угроза, я не верил, что Аннь умрет. Изo всех сил не верил. Стоял во дворике. Какая-то женщина разговаривала через окно с мужем о новой французской выставке живописи.

Я спрашивал сестер:

— Как, как?

— Не можем сказать, ждите врача.

Наконец одна сжалилась, шепотом:

— Все в порядке, блестяще провели операцию. Обойдется.

— Спасибо вам, от всего сердца спасибо. За мое сердце спасибо.

Поехал узнавать у других врачей ситуацию. Сказали, надо было сразу вырезать матку. Операция простая, эффективная, но теперь может быть поздно.

Вернулся, жду. А потом стали подъезжать «Волги». Что-то тащат. Чувствую — для Аннь. Какие-то два молодых человека несут что-то.

— Братцы, что там, как, помогите!

— Да мы только по переливанию крови,— сказал один из них с выражением лица: «Вызвали, провались они все, а вдруг не сумеем».

Приехал человек с медалью лауреата Государственной премии. Приехали еще какие-то трое. Все молча. Чувствую: очень плохо.

Приехал немолодой человек с добрым встревоженным лицом.

— Главный хирург 4-го управления,— шепнула привратница.

Помогая ему. надеть тапочки, прошу безнадежно:

— Помогите, вырезайте матку. Мы не хотим больше детей.

Он очень сочувственно:

— Сделаем все, что в наших силах.

А потом стали уходить. Сначала те трое. Потом с медалью. Я к нему:

— Умирает?

— Только молодой организм может спасти.

Бросаюсь, еду зачем-то за ее сестрой, говорю шоферу такси:

— Умирает жена.

Подъезжаем к ее дому. Идет веселая и счастливая дочка моих друзей, школьница. Радостно бросается ко мне. Я:

— Умирает Аннь.

От ужаса ее как ветром сдуло. Приходит сестра:

— Что-нибудь с мамой?

— Аннь умирает.

— Аннь?

Мчимся обратно в роддом. Там она звонит в посольство. Во время разговора спускается врач.

— Скончалась. Не помогло. Но вы же говорили, у нее было предчувствие.

И мне — полстакана какой-то жидкости.

Выпиваю автоматически и рвусь к жене. Пускают.

Лежит красивая, нежная. Мертвая царица.. Красивей никогда не была. И красивей никого не было. Целую чуть свесившуюся руку (на коленях). Целую запястье, приподнимаю рукав. А там! Там все тело, буквально все, как будто его обварили кипятком: сине-малиновое, сплошь в волдырях. В ту же секунду два санитары, которые, видимо, стояли наготове, бросаются ко мне и оттаскивают от нее.

ЗАВЕЩАННЫЕ ДЕТИ

*Этот голос — он твой. И его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,*

*Хоть во сне твою прежнюю милую руку, Прижмывая
к губам.*

А. Блок

Больше меня к Аннь не подпускали. Только при кремировании. Кремировалась почему-то только через 10 дней (забальзамированная). То ли приезжал тайно отец, то ли ждали, что он приедет, а он не смог. Прах, не показав мне даже урны, отправили вопреки закону к отцу. Мать прилетела сразу.

Я лежал в спасительном гриппе, в камере с бойницами вблизи мамы, принимая массу успокоительных и снотворных. В памяти смешались события, факты, приезды людей. Но раз внезапно проснулся с бешено колотящимся сердцем. Трясущимися руками накапал валокордину. Отравлена! Эта кожа и все дальнейшее. Отравлена.

Я повез ее в этот роддом. Я не верил Аннь и просил прислать из их страны няню. Я вовремя не сговорился со своими гинекологами. Я успокоился и почил на счастье. Я мог все это предотвратить.

Позже я узнал, что при кровотечении лопаются сосуды на коже. Потом, встретив главного хирурга 4-го управления, спросил, как это случилось. Тот ответил, что психологически, когда человек здоров, трудно решиться на операцию. Врачи не были к этому морально готовы.

— Впрочем, я не специалист, — добавил он.

Видимо, приезжали не специалисты, просто чиновные люди, оформить акт, подписать консилиум. А чиновники в таких случаях принимают решение, обеспечивающее минимум их ответственности. Жертвой этого закона нашего общества, по-видимому, стала и моя жена.

Во время моей болезни позвонил Мазурин, только что вернувшийся от деда. Дед потрясен, рыдая, сказал:

— Надо помочь зятю. Взять младших.

Я:

— Ни в коем случае!

Помню выступление этого Мазурина на похоронах. Сказал, что Аннь была замечательная жена, и объяснил это так. Когда она бывала с ним в спецмагазине, то никогда себе ничего не покупала, а выбирала, советуясь с ним, мужу, хотя говорила, что муж хочет, чтобы она себе купила то-то и то-то.

Бабушка, женщина пятидесяти пяти лет, горевала вместе со мной. Мы были как родные. Еще раньше она подружилась с мамой, нянчила Таню. Обе говорили по-французски. Потом маме что-то стала не нравиться амбициозность бабушки, и мама стала с ней суховата.

Та маму побаивалась, а с нянями и вообще с «обслугой» вела себя очень повелительно.

Я передал ей мамино жемчужное ожерелье: жемчуг, который питался теплом Анниного тела. Она сказала, что будет его носить, пока не подрастут внушки. И постоянно носила его, судя по фотографиям.

Бабушка заштопала все мое сильно драное белье, ухаживала за девочками. Как-то за столом она сказала:

— Вам будет трудно с детишками. Хочешь, мы их возьмем на некоторое время.

Я говорю:

— Это исключено. Без них мне незачем жить.

— Да ненадолго. Может, только младших. Поживут в хороших условиях.

— Об этом не может быть и речи. Приезжайте почаще в Москву.

Я скрывал смерть Аннь от мамы и детей. Но, по-видимому, мама что-то поняла или услышала, у нее произошел второй инсульт. Положил в отдельную палату загородной больницы и нанял сиделку. Но чувствовал, что все безнадежно.

Бабушка умоляла меня разрешить ей взять девочек к ней. Я понимал, что это ее поддержит, но и сам я без них не мог, спал в их комнате. Наконец переводчица уговорила меня на ночь отпустить Таню. Уезжают с няней Ли. Наутро обещали привезти.

Но не привезли. Звоню.

— Бабушка занята,— отвечают.— Когда освободится, привезут.

Я все время ездил к маме. Ей было хуже.

Два дня не привозят Таню. Тут я стал кое-что соображать. Дело в том, что была прислана их прислуга забрать вещи Аннь, поскольку ее сестра носит тот же размер. Как я понял, русская няня, уборщица и молочница безумно ревновали к этому и решили кое-что взять и себе, чтобы тем не все досталось.

— Государством правють, а тряпки воруют,— причитала няня.

И няня говорила мне:

— Они и детское утащили.

Я не придавал этому значения сначала, не до того было. А теперь мне стукнуло: а зачем же им детские вещи?

Дочь у меня украли! Вот зачем.

Звоню в роддом.

— Как ребенок?

— Все нормально.

— Могу забрать?

— Нет, переведем на днях в больницу. Вам дать не можем.

— Я приеду за справкой о рождении.

— Приезжайте.

Бабушка, в молодости опытная подпольщица, хочет похитить детей. Надо взять себя в руки, не расслабляться.

У меня в комнате на пианино стоит большой портрет моей жены. Он так стоит, что кажется, в каком бы месте комнаты я ни находился, Аннь с портрета на меня смотрит. Я хожу по комнате, обдумываю ситуацию, а Аннь на меня смотрит. Сил придает.

Звоню в апартаменты бабушки — надо узнать адрес. Подходит переводчица.

— Как Таня?

— Все в порядке. Сейчас бабушка занята — прием.

— Таня гуляет?

— Да, конечно.

— Она не привыкла к московскому воздуху.

— Они с Ли гуляют по набережной и ходят в городской сад.

Словом, выясняю, где эти апартаменты. Затем — к сослуживцу-соседу, который знает французский, и на его машине поехали. В домоуправлении телефон бабушки не значится. Нет такого в их доме. Неужели переводчица навела на неправильный след? Забегал (сыщик с колотящимся сердцем). Есть спецквартира для иностранцев. По всем признакам они там. Поднимаемся. Говорю напарнику (теперь он уже напарник, хотя этого еще не подозревает):

— Как только дверь откроют, я вставлю туда ногу, чтобы не могли захлопнуть.

Человек тихий и деликатный, он вдруг понимает, что втянут в авантюру. Идет на операцию покорно, но не без страха.

Звоним. Щелкает замок. Я сразу вхожу. Он за мной. Две немолодые женщины невысокого роста преграждают нам путь в огромной прихожей. Вежливо, ласково и грустно я объясняю им, кто я. Сразу просияли:

— Пожалуйста, пожалуйста, проходите.

Оглядывают с любопытством и сочувствием. Напарник остается в прихожей.

Прохожу в столовую. Огромный накрытый стол. Бутылки, бокалы. Первое впечатление — прием. Но за столом — только бабушка с Таней на коленях и напротив — Лбов. Остальные — горничные, няни — что-то носят, Он один мужчина, остальные женщины.

Таня застывшая. Не прореагировала на мой приход. Лбов и бабушка настороженно, вопросительно смотрят — прервал беседу.

Зато женщина — начальница русской прислуги — усаживает, хлопчет. Сажусь. Отказываюсь от водки, еды. Только боржом.

Объясняю:

— Умирает мать (вид у меня соответствующий).

— Мама умирает. Температура — 40. Конец.

Лбов успокаивает:

— У всех это рано или поздно случается.

— Мама хочет попрощаться с Таней.

Ведут разговор на бабушкином языке. Что говорят, не знаю. Но показалось, что из бабушкиных пальцев, которыми она цепко держит Таню, вылезают когти. Видно, всплывет сцена из Гоголя. Я говорю:

— Это совершенно необходимо, поймите. Когда мама умрет, я, если бабушка разрешит, привезу детей на несколько дней, чтобы они не видели тела. До похорон.

Он:

— Разумеется. В этом нет ни малейших сомнений. Уход будет полный.

Опять разговор на бабушкином языке. Лбов явно мне сочувствует, убеждает. Он, видимо, поддается на эту хитрость. Впрочем, вполне естественная постановка при нормальных родственных отношениях.

Я не выдерживаю, встаю:

— Вы знаете, к сожалению, я не могу долго ждать. Внизу машина. Мама может умереть.

Наконец она выпускает ребенка. Выходим из столовой. Около двери стоит

напарник. Представляю его Лбову: мой переводчик. Напарник растерянно говорит:

— Передайте, пожалуйста, от меня мадам...

Хотя это и сам ей сказать может.

Она, не отвечая, не приветствуя (а они знакомы, он уже переводил года полтора назад), уходит в спальню.

Лбов, как будто какая-то мысль внезапно стукнула ему в голову, смотрит на меня, на напарника, оглядывает его ну просто с головы до ног. Откровенно.

Няни мне:

— Отдохните в гостиной, мы Таню переоденем.

— Я помогу.

И, не выпуская ни на минуту Таню, помогаю, стоя на коленях, надеть ей колготки, хватаю на руки и выношу вон, застывшую и всю мокрую от моих слез, которые льются, хотя я и разговариваю спокойно.

Поехал к бедной моей маме. Лежит одна, сиделка отошла. Даю ей попить из поильника. Пьет с жадностью. Смотрит на меня с такой благодарностью и любовью. Последний ее взгляд. В последние ее часы я не рядом с ней.

Утром приехал — скончалась. Перевожу на дачу.

Приезжает бабушка с переводчицей, прощаться с мамой. Говорит:

— Вы же обещали отдать детей.

— Я организовал так, чтобы они не видели тела. Да и девочки плохо себя чувствуют. Так что не может быть и речи.

Она спрашивает:

— Когда похороны? Я хочу приехать.

— Зачем? Это для вас лишняя травма. Вы уже простились.

— Я очень любила вашу мать и уважала ее. Хочу приехать.

Я объясняю переводчице. А сам думаю: не приедет ли бабушка в этот момент на дачу захватить детей?

Таня заболела. Температура — 40. Лежит в маминой комнате при гараже. Бабушка требует ее назад: я-де не могу организовать уход. Но к ребенку каждый день приходит врач. Я прошу его звонить бабушке, чтобы уверить ее в том, что

уход обеспечен.

На время кремации отправляю Лену на дачу к знакомым, а Таню запираю с родственницей в комнате при гараже. Не велю открывать, если приедет бабушка. Няне велю сказать, что дети отправлены к знакомым. Но никто не верит в возможность приезда бабушки.

Но я как в воду глядел. Пока шла кремация, приехала бабушка. Сказала, что перепутала место. Промчалась по даче и в ярости уехала. Потом:

— Как вы могли больную Таню куда-то отправить?

Не ко мне, а к чужим!

— Никуда я ее не отправлял, она была дома.

— Ее нигде не было.

— Вы же знаете, при гараже есть комната. Я ее туда поместил, чтобы она не заразила Лену.

— Я ткнулась туда, дверь в тамбур закрыта.

— Надо было чуть приподнять и сильнее нажать, она тугая.

— А Лена где была?

— Лену с девочкой-родственницей я отвез в соседний поселок, чтобы она не видела гроба.

— Но ваша няня сказала, что девочек увезли.

— Она имела в виду, конечно, только этих двух девочек.

Вопрос был исчерпан. Теперь Лену и Таню можно забрать, только перешагнув через мой труп.

Как-то приезжает сестра Аннь: «Выбрали снова, выбрали папу! А ведь говорили, что переведут на другую должность. Потрясающе!»

А я подумал о том, что только труднее мне будет бороться за Антона.

В роддоме он еще не фигурировал как мой сын. Метрику я ему оформил и ждал, когда его перевезут в больницу в Кунцево (Кремлевку), чтобы в момент, когда «скорая» проезжает ворота второй проходной, его записали по метрике. Это удалось сделать. Лбов и Мазурин проморгали. Вопрос об Антоне там, видимо, не вызывал сомнений с самого начала. Если бы его перевезли не под моей фамилией,

что легко было, конечно, сделать, то это существенно упрощало бы захват Антона из больницы. Мне его не выдавали по состоянию, мол, здоровья. Но без моего разрешения другим лицам больница теперь выдать не имела права. Больница, как юридическое лицо, ответственна за исчезновение ребенка. Конечно, это особая больница, и там главврач находится как бы вне обычных законов и может этого не бояться, но все-таки.

Я договорился с кормилицей. Одинокая мать, которая родила девочку, молока избыток, будет проживать у меня. Платить был в состоянии, еще мог продавать библиотеку.

Обсуждались с друзьями и другие варианты.

У Антона по очереди дежурили три сестры в больнице. Я приходил, гулял с ним, но медсестра не спускала с него глаз. Я говорил:

— Дождь, отдохните. Я погуляю один.

Ни в какую. Инструкция, видимо, была строгая. Я знал прорехи в большой ограде больницы, ребенка передать было очень легко. Конечно, с такой компанией потом не укроешься, но и вырвать новорожденного у меня будет очень и очень трудно. Разумеется, я старался сор из избы не выносить, но утащить новорожденного из дома... Такого скандала не скроешь! А это совершенно не нужно деду. Зато если скандал все равно возникнет, то для наших один черт: можно отнять всех детей. А деду объяснить, что я сошел с ума от горя. Но и это плохое решение. Слишком много у нас с дедом общих знакомых — детей их руководителей — студентов и научных сотрудников. И сделать внуков круглыми сиротами, дед, конечно, не позволит.

Что-то дед приказал (приказал ли?), что-то бабушка ему пишет, докладывает. Кто-то читает эти письма, готовит материалы, докладывает — и на каком-то уровне принимается какое-то решение. Все это я должен угадать. Угадать вовремя. А то примут какое-либо дырявое решение на достаточно высоком уровне. Начнут латать дыры — в другом месте расползется. В результате всем будет плохо.

Мои инстанции приезжали уговаривать. Потом Мазурин. Говорит:

— Ладно, девочек оставим, вы к ним больше при
вязались, а мальчика отдайте.

— Дайте мне поговорить с дедом "напрямую."

— Об этом и не мечтайте.

— Но ведь дед сказал: «Надо помочь». Это же не обязательно «забрать».

— Нет, он сказал: «Надо забрать». Отпустите на два года, потом вернется. Будете ездить туда... Когда была жива Аннь,— доверительно добавил он,— а дед встречался здесь, сами понимаете, с кем, я все время был настороже, боялся — попросит дед, и тогда вопрос будет исчерпан. Аннь с Леной заберут.

Вот, оказывается, что над нами висело. Ничего себе! Может, тонко пугает?

— Хорошо, я согласен. Но сначала пусть парень окрепнет. Поживет здесь. Месяцев в восемь отдам.

— Конечно, пусть окрепнет вначале. Но у вас условий нет. Окрепнет в Кремлевке, а потом отправим.

— Только вопрос о его состоянии здоровья, может ли ехать, решит профессор, которому я доверяю. Он как раз консультирует в Кремлевке.

Заезжаю как-то к бабушке. Спрашиваю у сестры-хозяйки тихо:

— Сколько еще бабушка будет здесь?

— Да я думаю, пока не заберет какого-нибудь из детей.

И переводчица мне сказала конфиденциально:

— Вы поймите, все, что она делает, она делает по инструкции мужа.

Вижу, переводчица не врёт, действительно так думает. Может быть, это бабушка внушила? Переводчица ко мне относится с некоторым сочувствием. Помню, как-то бабушка сказала:

— Вы должны заплатить няне Ли, которую я забираю, за месяц работы и оплатить стоимость проезда.

И на мой удивленный взгляд (Аннь ничего про оплату проезда не говорила, а няням Анниной сестры они оформляли командировки):

— Это содержится в договоре, который с ней заключался.

— А где он?

— Он у меня дома.

— Разумеется, я оплачу. Но договор, между прочим, был на три года.

— Договор был на Аннь, а ее больше нет. Поэтому няню я забираю.

— Вот, пожалуйста, за месяц работы, а за проезд в данный момент я не смогу.

Потом говорю переводчице:

— Скажите, куда и когда надо внести за проезд?

Помню, переводчица глаза вытаращила на это бабушкино заявление. А потом сказала, что это было недоразумение. Таким образом, обдумав все, я решил не отказывать, а затянуть все до приезда деда. Там видно будет.

Звонит какой-то Саранчев — чин из МВД:

— Дайте ваше разрешение, что согласны отдать сына через полгода. Мы будем пока оформлять бумаги.

— Это ни к чему. Когда надо будет — оформите за один день.

Снова и снова звонки. Я спрашиваю:

— У вас, товарищ Саранчев, есть сын?

— Есть. Ему три года.

— Вот и отправьте его.

Отшил.

Однако через два месяца атмосфера стала сгущаться. Я понял, что во что бы то ни стало им надо отправить ребенка к какому-то точному сроку. Значит, есть какое-то решение на каком-то уровне. Впишут бабушке в паспорт и отправят.

Мазурин:

— Если вы немедленно не дадите разрешение, мы сообщим на вашу работу и вам будет очень тяжело. Бабушка пожаловалась, что вы неуважительно относитесь к ней не только как к жене высокого лица, но и как к женщине. (Ничего себе! Что это значит?) Кроме того, все ваши разговоры мне известны. Вы за них ответите. И все варианты кражи знаю, например, калининский.

— Простите, но бабушка для меня теща, а не жена высокого лица. И отношусь я к ней с большим уважением. Разговорами не пугайте. Ничего предосудительного я не мог сказать. Могу я поговорить с первым зам завом?

— Писать можете куда угодно, а говорить ни с кем не будете.

А вариант кражи Антона из больницы он действительно назвал очень секретный. Откуда узнал? «Писать можете куда угодно...» О чем, как не о том, что у меня отняли сына. Значит, вопрос решен.

Еду к бабушке. Возмущенно рассказываю о беседе с Мазуриным. Не опровергает! Не говорит, что опровергнет. Заявляет:

— Я уезжаю такого-то числа. Хотите — давайте разрешение, хотите — нет. Я должна быть на родине.

— Но профессор говорит, что ребенок еще не окреп.

— Я отвечаю за здоровье ребенка.

Не уговаривает. Спокойно. Ясно, что решение есть.

Еду к сыну, вожу его коляску под неусыпным взором медсестры. Отнимут. И не вернут, пока жив дед. Но хотя бы нужны документы, чтобы я потом мог его отсудить.

Советуюсь с юристами. Еду в МВД к Саранчеву, пишу разрешение на два года¹.

Ребенка увозят на самолете. В отдельном отсеке. С медицинской сестрой. Там их встречают врачи.

В тот же день, когда Антон приземлился, в Москву вылетает дед. Я этого, конечно, заранее не знал. Вот она, дата. Вот из-за чего была спешка.

А почему? Почему ребенка не перевезти с дедом на его прямом самолете через неделю? Где логика?

Бабушкина понятна. Вдруг дед на месте решит: раз отец так не хочет отдавать, то оставим здесь. А наших? Но тсс! Вы не понимаете, международные вопросы...

Паспорт ребенка мне не показали. Но я вытащил его на аэродроме из пачки у молоденького пограничника и сфотографировал все страницы". Подложил обратно. (Дурак! Надо было забрать себе, как выяснилось позже.) Мой товарищ фотографировал весь отъезд подробно.

Юрист рекомендовал посылать деньги на содержание ребенка и хранить

¹ В дальнейшем бабушка сказала, что якобы он уже был в то время вписан нашими ей в паспорт. Правду ли сказала — не знаю.

квитанции. Я сказал, что деньги неудобно. Тогда посылки на определенную сумму. Посылал посылки, которые все время возвращались и лежали на почте. Извещения мне об этом постоянно приходили. Но посылок я не брал, чтобы оставались вещественные в буквальном смысле доказательства. Но я оплачивал провоз посылок только туда.

Бывают же такие совпадения. Спал я плохо, со снотворным. Просыпался, включал радио, слушал английскую речь, снова засыпал. Как-то в полусне включил и сразу попал на русскую, невнятную. Радио «Свобода» передает содержание статьи из одной зарубежной га-зеты. Вдруг услышал свою фамилию, сердце заколотилось. Дескать, известный московский ученый женился на дочери одного из вождей — Анне имярек (фамилию спутали), более известной в Москве под именем Аннушка. (Между прочим, Аннушка, действительно известная в театральных кругах, к моей жене имела такое же отношение, как, например, Аннушка из «Мастера и Маргариты».)

И в таком некомпетентном полувранье и дальше: мол, грубая врачебная ошибка, дед увез с собой внука. И дальше другие случаи врачебных ошибок врачей 4-го управления.

Толком не понял спросонья. Звонил знакомым. Один слышал. Говорит:

— Будет повторение.

Целую неделю ловил, ни разу радиостанцию «Свобода» не поймал.

Однако по служебной линии «прижали». Звоню Мазурину:

— В чем дело?

— Мы ни при чем. Но вот передо мной западные газеты: «Пари-матч», «Лос-Анджелес таймс». (Что в последней было, не знаю.)

— Да я-то при чем?

— Поменьше нужно болтать.

— Я не из тех, кто делает себе имя на подобной рекламе. И мои друзья и знакомые к этому отношения не имеют. Все они знают, как мою жену зовут и как ее фамилия. Все знают, кто увез сына. И никто не знает про другие врачебные ошибки. Заметьте, что моя женитьба также была лакомым куском для журналистов. Однако в иностранную прессу ничего не просочилось. Так что мы ни при чем.

После всего этого я долго болел, но выжил. Когда лежал дома, то следил за детьми, няней и воспитательницей Флорой Ивановной, которой я предоставил мою московскую квартиру. Детям я не говорил, что Аннь умерла, но они всем сообщали: «У нас нет мамы». Лена стала вдруг взрослая. Отвела меня и шепотом спросила:

— Маму зарыли?

Когда я попал надолго в больницу, стала сочинять трагические стихи о матери. Утром просыпалась и говорила. Вот, например, стихотворение, переправленное мне в больницу и, возможно, подправленное Флорой Ивановной:

*Тетя Флора ходит с нами,
Носит нашего козла,
Только «скорая» с огнями,
Жалко, папу увезла.
Рада я, и Таня рада,
Что купили брата нам,—
Только в самолете брата
Увезли к большим слонам.
Мы целуем нашу маму
На картинке иногда,
Но она не вылезает
Из картинки никогда.*

Это про тот портрет, который на меня всегда смотрит. Девочки и я целовали его.

Был такой момент, что по лицу врача я видел: думает, что я умру. Но я знал, что выживу. Обязан выжить.

Постоянное чувство тревоги: что будет с детьми, если и я... Это груз, от которого невозможно освободиться.

Но у меня был еще груз: боязнь, что со мной вместе исчезнет образ Аннь. Сейчас я от этого груза освобождаюсь. Рисую ее лик, как иконописец. Оставляю его не на полотне-полотенце — на бумаге, выворачивая наизнанку самого себя перед православным миром.

Я человек неверующий, даже в глубине души. Более того, материалист и детерминист в науке. И считаю, что религия тормозила науку. Но я хотел бы быть

верующим — это помогло бы мне легче перенести горе. Я бы так не заболел и не написал бы эту исповедь, а ходил был на исповедь к духовнику. Вера помогает в несчастье, помогают и религиозные ритуалы. Ритуал плача, вопль облегчают. А самое главное — даже не вера.

Самое главное — могила Аннь. Место, на которое можно ходить, ухаживать за цветами, где можно поставить памятник, где можно мысленно беседовать, отчитываться. Этого у меня и детей нет. Неосознанная уверенность, что и я буду похоронен здесь же, рядом. Что-то вроде смутной мечты, затаившейся глубоко в подкорке мозга, о встрече после смерти.

И могила должна быть на кладбище, а не отдельно от других. Потому что там наше общее людское горе, общее, как любовь и жалость к детям. Все должны видеть памятник и надпись.

Для меня, может быть, лик Аннь запечатлелся даже на полотенце, которым она дотронулась до лица. Но другие его не видят. Именно поэтому я сделал то, что не делал до меня никто: написал эту исповедь, описал жизнь жены со мной и жизнь жены во мне и детях.

Трудно выставлять напоказ свое горе, как это делала мать Аннь, когда при всех в крематории кричала и билась головой о гроб. Даже с нашей точки зрения, неприлично перед чужими людьми, перед всем светом. Только тот, кто не знает даже, где могила любимой, поймет этот мой порыв, это желание поставить ей памятник, не осквернив ложью свою исповедь! Я не только тогда заболел, я заболел и сейчас, когда описал все это. И мне трудно кричать при всех, как я сделал это в исповеди, но я знал уже тогда, в больнице, знал и позже, что я это сделаю.

После двух месяцев больницы я досрочно вернулся домой. Меня в больнице навещала сестра Аннь и, поговорив с врачами, узнала, что я еще буду очень долго лежать. Только я вернулся, буквально на другой день явилась дама — капитан милиции с предписанием: определить детей в детский дом.

Идея простая. Наши органы по защите детей проявили бдительность. Определили детей в детский дом. Далее делается по закону запрос родственникам: не хочет ли кто-нибудь забрать детей? Оказывается, дедушка и бабушка хотят. И им отправляют детей. Возвращается отец из больницы. Где дети?

«Вы знаете, ошибка. Органы народного образования и милиция

перестарались. Но ничего страшного, они же у родных».

Беру у милиционера в юбке бумагу и переснимаю ее. (Потом она мне звонила: «Пожалуйста, обещайте никому, никому не показывать копию, иначе я пропала».)

Бумага направлена от отдела исполкома райсовета начальнику роно и начальнику управления внутренних дел района: «В соответствии со статьей 306 ГК РСФСР просим рассмотреть возможность определения детей в детские госучреждения». За начальника отдела подписалась зампред исполкома, а по правилам «за» подписывает нижестоящее лицо. Бумага с бешеной скоростью проскочила четыре инстанции, причем исходящий номер зарегистрирован позднее подписи. И окончательная резолюция: «Т. Кравчук. Совместно с роно примите меры к определению детей».

Но я уже дома, так что сначала нужно применить какую-нибудь статью ко мне, а уж потом к моим детишкам.

Не надо, конечно, думать, что если бы меня не оказалось дома, "то детей бы забрали. Няня, которая с ними жила, во-первых, была достаточно интеллигентна, чтобы объяснить ничего не подозревавшей капитану милиции, что дело не так просто. И детей она, конечно, не отдала бы ни за что на свете. Я звонил из больницы непрерывно, так что узнал бы тут же. Поэтому из этой глупейшей акции все равно ничего бы не вышло.

Вот если бы дети были в детском саду, тогда все — увезли бы.

Вообще, в моем положении огромную роль играли няни. Проблема няни не из легких. Мы и с Аннь мучились с нянями. Находили прекрасных, идеальных нянь, но через некоторое время они становились ужасными: садились Аннь на шею, распускались и даже хулиганили. Со мной же няня становилась домохозяйкой, членом семьи. Совсем другое дело.

Первая няня, которую мне порекомендовали друзья, сразу мне не понравилась своей суетливостью, нервностью и приподнято-пионерским настроением:

— Девочки, побегаем! Ко мне! Вперед! — И т. п.

Но я ее взял. Ей было далеко за пятьдесят, она была на пенсии, но на вид

больше тридцати пяти (если пристально не присматриваться) дать ей было невозможно. Из-за этого несоответствия вид у нее был крайне неприятный. Ела только сырую пищу, но готовила ее долго, тщательно и вкусно. Ходила босиком. Спала на полу, посыпанном каким-то мусором. Первую ночь — слышу за стеной: бух! Потом опять: бух! Что-то бухает, редко, но равномерно. Утром спрашиваю:

— Что это у вас там бухало?

— Это был бег на месте.

Дома я ее заставлял надевать что-нибудь на себя, но на участке зимой она сбрасывала ненужное, и босые следы на снегу заставляли прохожих вспоминать, что мой отчим (которому раньше принадлежала дача) был крупнейшим специалистом по снежному человеку.

Ничего не умела, но работала, как вол. Непрерывно била посуду. В лекарства и медицину не верила — только голодание. Свой выходной день голодала, а у меня выходила из голодания — первый день на фруктах. Большое количество фруктов, по ее мнению, заменяло ей слабительное. «Не давайте детям ее съедобья,» — предупреждала меня, делая страшные глаза, знакомая няня из поселка «Мужикили».

Сравнительно интеллигентная. Постоянно спорила со мной относительно питания и лечения детей. Активно вмешивалась в разговоры за столом. Откровенно говоря, я ее не выносил, и она платила мне полной взаимностью. Это была очень дорогая няня. С детьми она была хороша и оставалась у нас очень долго. Приучила их к спорту.

На эту няню я мог полностью положиться — отнять у нее детей можно было только силой. У нее был свой круг близких друзей, с которыми она ходила в походы. Именно она жила у нас, когда я лежал в больнице. При ней же я поехал на конгресс в Польшу. Еще когда я был в больнице, я получил известие о том, что меня выбрали пленарным докладчиком на конгресс. И я решил посвятить этот доклад Аннь.

Международные общематематические конгрессы, наподобие Олимпийских игр, собираются раз в четыре года. На них съезжаются несколько тысяч математиков со всего мира. Секционные и пленарные докладчики выбираются тайным голосованием сначала в так называемых панелях. Каждая панель отвечает секции, а каждая секция посвящена одной из основных отраслей математики. В

панель назначаются руководством конгресса человек семь-восемь крупнейших специалистов мира в данной области, которые и выбирают около двадцати пяти секционных докладчиков и предлагают двоих пленарных. Далее консультативный совет утверждает большую часть выбранных панелью секционных докладчиков и выбирает из числа предложенных одиннадцать-двенадцать пленарных докладчиков. По неписаным правилам секционный доклад можно получить, как Ленинскую премию, только раз в жизни. А выборы пленарным докладчиком считаются чрезвычайной честью. Я был уже раньше удостоен чести быть выбранным на секционный доклад, а теперь очень хорошо прошел на пленарный.

Вице-президент конгресса от Советского Союза сказал мне, что члены консультативного совета только выразили пожелание, чтобы я рассказывал понятнее. Известно было, что я не только непонятно читаю лекции, но и плохо делаю доклады.

Но поскольку я решил посвятить доклад Аннь, то, разумеется, должен был подготовиться как следует. Решил изложить все, что я сделал в науке за время нашей совместной жизни, вдохновленный ею.

И еще. Это был шанс перейти в науке в другую «весовую категорию». Бывали же случаи, когда резонанс от блестящего доклада на конгрессе выводил ученого на новый уровень. И хотя было ясно, что силы в борьбе за детей все равно останутся отнюдь не равными, я не имел права пренебрегать возможностью повысить свой авторитет в научных кругах, с которым у нас волей-неволей принуждены считаться.

Я продумывал доклад в больнице, потом писал на даче. Эта деятельность восстанавливала мои силы. Я думал о том, что когда произнесу посвящение, то проектором на экране покажу ее портрет, а если будут два проектора, то оставлю на одном на время доклада, спроектировав его на левой половине экрана. Соответственно я должен сделать вдохновенный доклад. Я читал вслух и перечитывал знаменитое выступление Достоевского на открытии памятника Пушкину. Гениальное выступление, которое зажгло аудиторию. Он читал по написанному. Но впечатление такое, что написано оно было накануне ночью в один присест, так свежо было вдохновение, так велик напор мысли и чувства.

Изредка, делая доклады, я испытывал вдохновение. Но если результаты были совсем новые и меня рапирало от них. И это вдохновение действовало на

аудиторию, хотя, быть может, делало доклад более сумбурным, неподготовленным. Но в этих случаях я активно общался с небольшой аудиторией, мне задавали вопросы, я импровизировал ответы, которые вырывались у меня еще до того, как спрашивающий заканчивал вопрос.

А тут результаты не новые, аудитория многотысячная, доклад читается по тексту. Этот текст я должен был много раз прочесть, сверяя с часами, чтобы уложиться ровно в час — ни больше и ни меньше. Когда текст хорошо известен, то легко можно впасть в прострацию, читать автоматически, а думать о чем-то другом. Это немедленно почувствует аудитория. Значит, чтобы захватить аудиторию, я должен был настроить себя так, как будто эти результаты для меня свежие, как будто доклад я написал этой ночью, и мой пыл еще не остыл. То есть я должен, как актер, вжиться в роль, разработать и выучить интонации, прослушивая варианты записанной на магнитофон моей речи. Даже мои девочки, наверное, выучили этот доклад наизусть и очень забавлялись, глядя, как их папа учит свою роль.

Кроме того, я хотел мимоходом извиниться за плохой английский перевод моей книги, который я же и редактировал, за свое плохое английское произношение.

Все это требовало большой работы. Бывало, что я ночью вскакивал и менял какую-нибудь фразу. Вряд ли кто-нибудь из докладчиков готовился так тщательно, как я.

Как я сказал, конгресс должен был проходить в Польше. Тамошние власти обратились к нам с просьбой прислать всех советских докладчиков, поскольку была опасность, что американцы будут бойкотировать конгресс. Несмотря на это, далеко не всех докладчиков пустили. У одного брат был посажен за какие-то махинации, другой неправильно оформил статью при посылке за рубеж и т. д. Но самое главное, не пускали другого пленарного докладчика от СССР. Ему дали в МГУ плохую характеристику: «политически неустойчив, морально неграмотен». Если бы он не поехал, то это вызвало бы скандал. Лично мне это тоже бы повредило: я поехал, а он — нет, разделили на чистых и нечистых. Тем более что это был мой старый товарищ — мы окончили одну школу. В последний момент вопрос решился. Вице-президент конгресса звонил «наверх» и поручился головой за поведение в Польше этого докладчика, и он поехал в числе 300 советских деле-

готов. Мы занимали целый поезд, причем он и я, как пленарные, ехали вместе с маститыми нашими учеными и руководством. А в Польше вообще нам с ним были созданы особые условия. Американские ученые в основном приехали (не отказываясь же от такой чести), но доклады наперебой стали посвящать всяким польским диссидентам.

На этом фоне посвящение моего доклада Аннь выглядело бы не так, как мне бы того хотелось. И я решил посвящения не делать. Только думать о ней и о том, что если я сделаю доклад блестяще, то мой престиж среди математиков вырастет, а это будет полезно в моей борьбе за Антона.

Мой доклад был на пятый день, и я мог еще набраться опыта и понять ошибки предыдущих докладчиков. Я придумал совсем особую форму для своего доклада. Буду читать с трибуны лицом к залу, а не вполоборота около экрана с указкой, как другие, чтобы лучше чувствовать реакцию аудитории и внедрять в нее свои идеи. И я попрошу двоих ученых ассистировать мне. Один будет указкой показывать на экране нужные формулы, а другой проектировать. Причем в отличие от предыдущих докладчиков я решил использовать оба проектора. Я сказал другому пленарному докладчику:

— Дим, давай друг другу ассистировать,— и объяснил свою мысль.

Он ответил:

— Разумеется, я тебе помогу. А мне не надо. Я буду все делать сам.

Он один из лучших в мире лекторов и обладает талантом популярно излагать идеи как на бумаге, так и устно. Кроме того, он свободно владеет английским и французским, долго жил во Франции, поэтому короче знаком с иностранными учеными и мог чувствовать себя в этой аудитории свободно.

Когда настала моя очередь докладывать, я надел на него галстук (чего он терпеть не мог), чтобы прикрыть его волосатую грудь, и, прочитав снова перед самым докладом речь Достоевского, в полном параде явился на сцену огромного театра, где проходил конгресс. (Было жарко, несмотря на кондиционеры, и американцы выступали в рубашках и даже в майках.)

Народу — уйма. Секундное удивление аудитории, увидевшей меня на трибуне в сопровождении двух более знакомых ученых (десять лет я не выезжал за рубеж и не участвовал в международных конференциях), которые тоже появились

на сцене и что-то стали переставлять, переговариваться.

Я почувствовал, что оглушил аудиторию мощью голоса. Все привыкли к спокойным и тихим лекциям, и вначале я не почувствовал контакта. В середине доклада аудитория была захвачена. Я отдышался, сделал небольшую паузу при мертвой тишине. Оперся о трибуну — я еще не полностью поправился и иногда чувствовал себя нетвердо на ногах,— понимая, что ко мне пришло настоящее, неискусственное вдохновение. И я продолжал. Интерес аудитории нагнетался: я еще не дошел до кульминации. Наконец — заканчиваю. Вижу сквозь туман, что вице-президент со своим другом в первом ряду со счастливыми лицам показывают мне большими пальцами: «На пять!» Мельком на часы — ровно час. Внезапно снижаю голос:

— Это можно прочесть в моей книге, переведенной на английский, столь же великолепный,— говорю я печально и серьезно,— как тот, который вы только что слышали.

Шуткой резко снимаю напряжение. После взрыва аплодисментов попадаю в людской водоворот, меня обступают. Один невысокий, седой, подтянутый трясет мне руку с восторгом:

— Вы настоящий политический оратор. Вы мне напомнили Гитлера.

Ничего себе комплимент! Шарахаюсь от него в сторону, попадаю прямо в руки какой-то корреспондентки, которая меня утаскивает в полутемную комнату, где я торопливо что-то бормочу ей в микрофон.

Мой «ассистент» — другой пленарный докладчик — тут же решил построить свой доклад точно так же и попросил меня и одного своего ученика ему ассистировать.

После первого промаха я научился отбиваться от репортеров. Один молодой человек, например, вечером ввалился ко мне прямо в номер, захватив с собой хорошенькую польку. Он пояснил:

— Я ее взял, чтобы она помогла мне уговорить вас дать интервью.

Я говорю:

— Я уже дал одно. Мне неудобно больше. А вон, наискосок, номер другого советского докладчика. Он с удовольствием,— натравил я их на приятеля.

Они стучатся. Не открывает. Я говорю:

— Он прячется.

Они долго стерегли, прислушивались и смотрели в замочную скважину, но тот не подавал признаков жизни. Они ушли, и, уходя, репортер сказал грустно:

— Передайте ему, что он вынул из кармана у одного молодого человека 300 злотых.

Эти слова не без удовольствия я и передал на следующее утро за завтраком. Мой друг взволновался:

— Да меня не было дома, я делал заплыв на Висле.

Сосед по обеденному столу, американец, спросил:

— Вы были вчера на докладе? Прекрасная лекция.

— То есть как? Я же был докладчиком!

— Что вы? Да я вас не узнал на трибуне.

Вот тебе раз. Правда, я был при полном параде, прилизанный.

Поговорили. Оказалось, все он понял шиворот-навыворот, на свой лад.

Вспомнил ужаснувшее меня сравнение седого господина.

Вообще вдохновение ли у меня было? А не экстаз ли эстрадного горлопана, который ненадолго загипнотизировал и увлек аудиторию? Хорошо, что я не посвятил этого доклада Аннь. Поберег ее на этот раз.

— *Да, время темное, нехорошее
время,* — прибавил Селифан.

— *Молчи, дурак,* — сказал Чичиков.

Н. Гоголь

Я вернулся к моим девочкам. Обессиленная няня-йога тут же покинула нас, ушла в какой-то поход. Что там у нее произошло в походе, не знаю, но она так и исчезла с моего горизонта.

На других нянь я не мог так положиться, как на нее. Конечно, у нее был заскок, как и у большинства нянь, но более безобидный. У последующей няни заскок носил несколько другой характер. Дело в том, что после нее к моим детям

подвизалась ушедшая на пенсию начальница отдела кадров Александра Ивановна Селезнева. Помимо материального стимула ее прельщала возможность воспитать внуков большого человека.

Взялась за дело с большим рвением, но при этом целые дни предавалась воспоминаниям, основное место в которых занимал гипертрофированный культ анкеты.

— Подробная анкета,— объяснила она,— это лицо человека во всей его наготе.

Она много занималась с детьми, чтобы научить их заполнять анкету задолго до поступления в школу. Раньше анкеты бывали огромные, роскошные — на 10 страниц! На ее же последней работе — совсем ерунда, всего на четыре странички, такие коротенькие, что в них приходилось очень внимательно вчитываться, и только интуиция могла помочь ей узнать, что за человек скрывается за таким листком. Постепенно тема разрасталась, захватывала дух.

А ведь это действительно великая проблема. Но описать ее на материале Александры Ивановны под силу только какому-нибудь мастеру пера из соседнего поселка. Дело в том, что Александра Ивановна воплощала в себе живую историю и эволюцию анкет. Поэтому невозможно понять ее характер, не коснувшись эволюции анкет.

Когда-то в анкетах был пункт «Сословие». И возможно, какой-нибудь гражданин недрогнувшей рукой выводил в своей анкете, в графе Сословие: *казаки*. А другой, заглядывая в нее, говорил сквозь зубы: *сволочь!* А еще кто-нибудь печально и подробно выписывал: *потомственные почетные граждане*, или коротко, но робко: *из двор*.

С одной стороны, все правильно, с другой — слабая надежда, что подумают: из дворников.

Годы проходили, этот пункт исчезал, появлялся другой: «Уклонялись ли от линии партии Вы или Ваши близкие родственники?»

Потом пошло: «Были ли в зоне оккупации, в плену Вы или Ваши близкие родственники?»

Но не людей второго сорта, у которых в анкете написано, что близкий родственник был репрессирован как подкулачник, не их должен был бы описать

мастер пера. А тех, кто скрыл этот факт, не отметил его в анкете. Их жизнь, их постоянный страх разоблачения. Стремление доказать всей своей жизнью: нет! Не было этого, да и не могло быть. Что вы! Чтобы такой человек, беспощадный и честный? Тут бы вывести и Александру Ивановну, которая внюхивалась в его анкету, стояла на страже интересов народа.

Я знал одного человека, коммуниста, не написавшего в анкете, что он был в немецком плену и бежал. Кажется, он при расстреле скатился в овраг и спрятался. Я с ним встречался в период, когда страх разоблачения полностью видоизменил его натуру. Потом он пробормотал свою тайну врачу под наркозом во время операции.

А у моего дяди изменили в паспорте год рождения. Это было связано с тем, что он во время революции совсем юным служил хорунжим в подразделении, находящемся в Персии, и его родители хотели этот факт тщательно скрыть. Я ничего не знал и спросил у него в его юбилей, во сколько же лет он кончил училище? Дядя, будучи уже при смерти, разволновался. Кузина утатила меня и все объяснила. Это было лет десять назад, когда соответствующий пункт анкеты давно устарел, но все равно и на смертном одре мучил видного ученого, каковым был мой дядя.

Поэтому вместе с Александрой Ивановной и я не советую врать или темнить в анкете. Никаких «из двор.». Писать надо правду, а то себе дороже станет. Читайте, мол, завидуйте, я — гражданин Советского Союза.

Опытный начальник отдела кадров увидит по анкете, где дрогнула рука у заполнявшего, где замял вопрос, перефразировал. Многих, очень многих высветила и Александра Ивановна. Особенно гордилась она своей интуицией. Один маленького роста человечек, например, так записал в анкете:

Состоял ли членом КПСС: *Нет*

Были ли взыскания, когда

и за что наложены: *Никогда, ни за что*

Все правильно, но что-то ей не понравилось. И действительно, оказалось на проверку, что этот испуганного вида мышонок — не наш человек.

А когда она работала в одном учреждении под Москвой, один местный алкаш устраивался к ним рабочим и написал в анкете так:

Выбирались ли в местные

органы власти: *Нет*

Местонахождение

выборного органа: *Там же, где и у всех*

Совершенно инстинктивно она не приняла его на работу. А впоследствии узнала про него ужасные вещи.

На предпоследней ее работе один совершенно лысый написал так:

Национальность: *Украинец*

Какими иностранными

языками владеете: *Русским*

И еще:

Цвет волос: *Не имею*

Обследовав тщательно, Александра Ивановна против его фамилии сделала следующую отметку в своем кондуите, который потом передала по наследству сменившей ее более молодой начальнице: «Пишется украинец, но, по всей видимости, поляк!»

А какой-то длинный шатен, наоборот, переборщил:

Национальность: *Чисто русский*

Между прочим, чисто русский человек никогда так про себя не напишет.

— Надо еще человека визуально осмотреть,— объясняла Александра Ивановна.— Обращайте внимание на уши. И не изменил ли фамилию в лучшую сторону.

— А если в худшую? Например, мой приятель давал такое объявление: «Меняю фамилию Смирнов на двухкомнатную квартиру».

Пожалуй, эта дама разъяснила бы и мою Анну Зуевну. И с ее перекошенным чувством долга вывела бы нас на чистую воду.

Я как-то ей сказал:

— Вы всё — анкеты, анкеты, анкетные данные. Вот у нас, математиков, есть понятие «начальные данные». И задача с начальными данными носит имя великого французского ученого Коши. А задача или, что бывает хуже, незадача с анкетными данными, чье она имя будет носить?

Александра Ивановна задумалась, разглядывая свой перстень.

С людьми, чья анкета не вызывала особых подозрений, Александра Ивановна была, по ее словам, любезна, отзывчива. Тем, кто ошибался по невнимательности или незнанию, она всегда помогала советом, исправляла. А неопытная новая начальница ничего людям не может объяснить: нет у нее ни подхода, ни умения, ни тех знаний. Хамит всем подряд безо всякого разбора.

Лена на бесконечные вопросы-допросы Александры Ивановны отвечала не задумываясь.

— Твоя национальность?

— Русская.

— Кого ты больше всех любишь?

— Маму и папу.

— Национальность деда?

— Нерусский.

— Кого из нерусских ты больше всех любишь?

— Антона.

— Почему?

— По фотографиям.

— Твой цвет глаз?

— Черноглазый.

— Адрес.

— Дача.

— Адрес?

— Лесная, 7.

Я:

— Наш адрес — Советский Союз.

— Какое блюдо тебе нравится больше всего?

— Банан.

Таня:

— А мне коврик зеленый в глаза попал. Я чуть не заплакала.

— Подожди, Таня. Лена, кто тебе больше нравится: кошки или собаки?

— Всех нравится.

— Ленина любишь?

— Люблю.

— А кто был Ленин?

— Ну... Ну, Ленин умер. Я же его не видела.

— А на фотографии Ленина видела?

— Когда?

— Когда-нибудь. Или по телевизору.

— Или по телевизору? Не знаю, не помню.

Я:

— Вот ты и села в маленькую лужу.

Таня:

— Маленькая лужа — это лужайка, да? А почему «Ленин», а не «Танин»?

— Подожди. Какая сказка тебе нравится?

— Про маму.

— Какая именно?

— Про маму. Какая-нибудь про маму. Не знаю какая.

Александра Ивановна очень скучала по своей работе. Поэтому оставалась недолго. А недавно разбилась и сахарница, последний предмет сервиза в розовых кругляшках, который Александра Ивановна купила, когда пыталась перековать на свой лад нашу безрадостную жизнь на даче. И дети тоже навсегда забыли начальницу отдела кадров Александру Ивановну Селезневу.

Затем кто-то из знакомых, давая по моей просьбе объявление о няне, ничего не подозревая, сочинил текст, который для посвященных являлся формой завуалированного брачного объявления. На зов явилась учительница Зоя Тимофеевна с надменным носом, высокая, властная: гренадер этакая. И хотя ошибка быстро обнаружилась, она застряла у нас надолго, делая из моей крепости

частые набеги на местных женихов.

Тут же у нее образовался и поклонник. Почтальон Юра, который оставлял всегда почту в ящике на улице, вдруг стал приносить почту в дом, постепенно застревая у нас на все большее время. Это был высокий старик с впалыми щеками и сизым отвислым носом, у которого что на уме, то и на языке, поэтому он тихо бормотал все, что думал, себе под нос. Про себя ни читать, ни мыслить он уже не мог.

Зоя Тимофеевна фыркала, краснела, но каждый раз провоцировала: нет-нет да и ввинчивала фразу: «Бабка-то ваша не волнуется?», «Бабка-то что, не кормит, что ли?»

— Да она померла давно, бабка-то,— парировал Юра, и учительница мягчала.

Она внезапно активизировалась. Купила обои и стала делать ремонт дачи. Очень быстро и ловко. Юра подсоблял и только головой качал:

— Ну и хозяйка!

Юра теперь ел у нас кашу каждый день. Под столом у него возникала всегда бутылка пива, и под столом же он наливал пива себе в стакан. Факт этот Зоя Тимофеевна не одобряла:

— Жмот. Хоть-бы предложил когда. Ведь я бы все равно отказалась.

И она делала вылазки, подыскивая более подходящие варианты.

Но Юра, когда ее не было, оставлял на буфете записки с какими-то, по-видимому, стандартными игривыми стишками:

*Люби меня, как я тебя,
И будем вечные с тобой друзья.*

(Ишь, чего захотел!) ,

*Дайте кисти, дайте краски,
Животисать буду я,
Нарисую кари глазки,
Очаровали что меня.*

(Сначала грамоте обучись, поэт!)

*Очень я страдаю и томлюсь душой.
Сердцем изнывая,*

Ангел дорогой.

(Человек-то он хороший.)

Скучаю. Хочу получить написанного.

Жду ответа, как соловей лета.

(На это последовал письменный ответ: «Не жди, не будет ответа. Есть причина: не хочу. А мне в Москве невольно не дают скучать со всех сторон».)

Юра стал одалживать у богатого друга-соседа (которого величал уважительно по имени-отчеству: «Евсей Миронович») челюсти и заметно смелел, когда их надевал, вдруг проявляя замашки настоящего деревенского ловеласа старого времени. Он поправлял челюсти вилкой, бормоча под нос:

— Зубы дал, которые жмут... проклятый.

— Что-то не похож он на Юру,— заключила Зоя Тимофеевна.

Это означало, что не вяжется имя Юра с обликом почтальона. И правда, однажды я подслушал, как, когда она его окликнула женственным голосом: «Юра!»—он, тихо заржав, сказал сам себе:

— Меня зовут Петр Елизарьевич.

Потом принес зачем-то паспорт показывать Зое Тимофеевне. Показал и мне. Я, остолбенев, прочел: «Петр Елизарович Красивщиков». За те несколько минут, что я смотрел неотрывно на это сочетание, проскочили, как быстрый сон, цепляясь друг за друга, воспоминания.

Полный тезка знаменитого литературоведа. Сын этого литературоведа Павел — историк, друг отца,— в его квартире жили моя мама с отцом. Павел — автор талантливой книги, которую отчим хотел цитировать и хвалить в своей диссертации, однако его шеф, знаменитый академик, этот абзац вычеркнул, поскольку Павел, тоже ученик и даже любимый ученик шефа, написал против академика разгромную статью в «Правду», после чего того «взяли». (Хотя нет, кажется, по делу Промпартии.) Сидел академик всего месяц в одной камере с моим дедом. Каждый вечер после допроса плакал, что кого-то оговорил. Дед попросил их расселить.

А как-то давно, еще школьником, с друзьями я пришел домой обедать. На обеденном столе лежит пожелтевшее письмо. Читаю. Показываю ребятам. Красивым почерком: «Милостивый государь князь Петр Григорьевич!» Что-то

там дальше... и подпись: «Печеринъ». Разгадываю: уборщица убирала, нашла где-то за шкафом. Печерин — современник Герцена; тот Печерин, который стал католическим монахом. Красивщиков-отец, как известно, коллекционировал материалы времен Герцена и Огарева, крал, пряча в манжеты, письма из императорских архивов, которыми сам же и заведовал. А сын его, наверное, подарил моему отцу это краденое письмо. Я почти все угадал. Только Павел Красивщиков сделал этот подарок не отцу, а отчиму, с которым он тоже был знаком. Оно затерялось. Теперь нашлось, и отчим сдал его потом в Ленинскую библиотеку.

— Что ты там увидел? — спросил Юра, ухмыляясь. Что увидел? Жизни, судьбы, переплетения.

Наконец Зоя Тимофеевна собралась к нему в гости, посмотреть как и что. Там ей не понравилось, и Юра перестал ходить. Даже с работы уволился.

И Зоя Тимофеевна, сделав многодневную вылазку, наконец привела жениха. Познакомила. Устроила на славу прием. Жених был себе на уме и весь в медалях, а я был любезен до сладости. Но она, к сожалению, не переставала отлучаться, ища другого - лучшего. Чтобы она не бросала надолго детей, я говорил ей всегда, что в ее отсутствие звонил по телефону тот, которого она приводила. Она перестала отлучаться. Как только отойдет — звонил тот жених. В конце-концов этой жестокой шуткой я довел ее до такого состояния, что она, хоть и не имела его адреса, бросилась его разыскивать. Он куда-то уехал. Она за ним. Да так и сгинула.

Была потом баба Зина, квалифицированная няня с лисьей физиономией домомучительницы из Карлсона, с навыками добросовестного отношения к детям и домашним делам.

Но постепенно она стала чувствовать себя хозяйкой, родственницей. Проснулись другие инстинкты — тещи, крестной и т. п. Первым делом она внедрила в наш дом свою внучку, поразительно навязчивое бесцветное существо. Девочка постоянно приходила ко мне в кабинет и стояла открыв рот, глаза на меня. Время от времени задавала монотонные вопросы, на которые я односложно отвечал. Но это минут через пять вызывало у нее новый вопрос. Получалась бесконечная сценка из Горбунова:

— Как это природа?

— Ну чего тебе природа?

— Почему паровоз преть?

— Паром прет.

— Ну как ето природа!

— Ну чего тебе природа?

— А почему паровоз паром преть, а баня не преть?

Дела научные и служебные я старался решать без отрыва от детей. И все, даже старшие коллеги приезжали ко мне. Входили в мое положение. Баба Зина? Баба Зина угощать их угощала, сладко взвизгивая: «Иштя, иштя!» (ешьте, ешьте). А проводив, ворчала, подметая пол:

— Профессорье перебило все стаканье.

Баба Зина еще ненавидела подруг и приятелей моих девочек и злобно их выгоняла, заставляла снимать обувь и следила за тем, чтобы они не съели все конфеты. Главная заводила в этой компании, девочка постарше, рослая Маша, решила ее проучить. Долго они разрабатывали план, который нарисовали в цветных карандашах на бумаге, в какую комнату кому войти, кому позвать меня, чтобы Маше беспрепятственно проникнуть в комнату бабы Зиной. План привели в исполнение и выкрали у бабы Зиной из сумки ключи. Таня — любимица всех нянь и вообще всех без исключения — что-то смутно бабе Зине намекала. И перед" отъездом в Москву баба Зина, к счастью, заглянула в сумку ихватила ключей! Тут же подумала на детей и стала сладким голосом уговаривать их признаться. Я не верил, что мои дети способны на такое. Искали, искали, пока Таня не сказала:

— Поищите в гараже.

Тут ключи нашли, и затем дети во всем признались и показали план. Я очень сердился, а баба Зина пораженно глазела на план и всерьез стала бояться соседских детей:

— Пойду вечером, а Машка-то кирпичом дярболызнет!

Пришлось временно запретить сборища у нас на даче.

Вскоре баба Зина стала за мной шпионить, исходя из принципа: «Знаю я этих мужиков, все они одинаковые».

— Баба Зина, что вы все трубку параллельного телефона снимаете,

слушаете мои разговоры?

— У меня инстинкта такая,— объясняла она, подтверждая мой вышеприведенный тезис.

Видимо, сказалась привычка шпионить за своим зятем, кобелем проклятым, от бывшей жены которого она продолжала получать письма приблизительно следующего содержания: «Может, это будет тебе не по желудку, но подлость исделала нашей бедной семье твоя умная Лида. Разбила нашу жизнь, посиротила Вовочку...» От этих посланий баба Зина приходила в раздражение и ругалась, яростно жестикулируя.

Через некоторое время баба Зина стала устраивать легкие сценки при гостях.

Гости. Наливаю им коньяк, себе в рюмку заварку чая. (Как я говорил, я полностью перестал пить.) Не отличишь. Баба Зина приходит, косится на мою рюмку.

Другой раз разливаю водку, а себе воду. Говорю:

— Я не пью.

Баба Зина вдруг злобно изрекает сарказм:

— С одними пить, с другими не пить.

В театры, на концерты, приемы, дни рождения, вечерние семинары, поминки и на другие иногда необходимые мероприятия я не ходил. Мне это прощалось. На юбилей шефа не пошел — заехал на следующий день вечером его поздравить. Он был один на кухне, тер себе морковку:

— Хотите — угощу?

Мы съели морковку, я принес боржом. Приехал домой несколько позже обычного. Тут уж был настоящий, трущобный, скандал. Противно даже вспоминать, какие аналогии с каким-то деревенским пьяницей-вдовцом проводила старуха:

— Знаю я вашего брата!

Я стерпел, ушел в свою комнату, лег и думал: «Как я живу! На дне!»

С этого момента баба Зина начала хулиганить. Дети дружили с соседским мальчиком. В этой семье баба Зина раньше работала. Приходит мальчик с матерью.

Та звонит от меня по телефону, я подставляю ей стул. Баба Зина злобно вырывает стул:

— Не барыня, постоять.

Та потом мне говорит по телефону:

— Баба Зина просто клиническая сумасшедшая.

Баба Зина подслушала:

— Она меня критикуить.

Соседка пыталась ее образумить.

— А может, у меня к нему чуйство! — кривлялась проклятая ведьма.

Пришлось изгнать, осеняя крестным знамением. А для детей это очередная маленькая травма. К ним она относилась идеально.

Бабушка говорила мне, что найдет Антону няню, знающую французский язык. Я тоже думал, что и девочкам это будет полезно: чтобы в дальнейшем они с Антоном понимали друг друга. Сговорился с одной старушкой швейцаркой, в давние годы вышедшей замуж за советского. Она явилась к нам в поселок и, не разыскивая мою улицу, стала сразу выкрикивать зычным голосом мое имя-отчество. Идет и гаркает. В конце-концов вышел знакомый сосед и показал ей, куда идти. Она произвела на него большое впечатление. Еле идет, ноги полностью перебинтованы. Горбатая, лет восемьдесят на вид. Напарфюмеренная.

Придя ко мне, она представилась:

— Мадам Сесиль. Но учтите: я не Нюшка и не Фекла. У меня у самой прислуги был полный дом. Вот здесь (стукнула она себя с силой по грудной клетке) — много души. Почему у вас в России не ценят гувернанток...

Далее она рассказала про очаровательного молодого человека, который уступил ей в автобусе место. Ее интересует, почему он это сделал.

— Или что же, он захотел, может быть, спать со мной? — вдруг так взвизгнула старуха, что я глаза вы пучил на нее. При этом она гордо посмотрела туда- сюда.

Оказалось, что это присказка, которую она все время употребляет, причем специфическим визгливым голосом:

— Вы мне выделите отдельные апартаменты? Вы же не собираетесь спать со мной!

Мадам Сесиль оказалась очень ловкой, несмотря на то, что еле двигалась. И хотя около двух часов тратила на свой туалет, все успевала. Детей вымуштровала и на всю жизнь обучила хорошим манерам. Готовила французскую пищу. Я, давясь, хвалил (я не гурман, люблю простую кашу). Однажды набрала каких-то ценимых в Швейцарии грибов и приготовила в сметане. Сама есть не стала — печень. Я ел из вежливости и, боясь, что дети отравятся, все съел сам. Потом бросился смотреть в энциклопедию, что за грибы. Оказалось, по виду похожи на бледную поганку. Смерть наступает через сорок часов. Пробовал вызвать рвоту — не получилось. Бросился к соседям. Они побежали по поселку и достали какую-то ужасающую гадость, стакан которой я осушил и совсем занемог. Зато не умер.

К Тане мадам Сесиль относилась хорошо, но Лену возненавидела.

— Желтая раса, чернильные глаза,— шипела она злобно.

Наконец, однажды, когда у меня были коллеги и Лена зашла к нам, что было недопустимо с точки зрения этикета мадам Сесиль, вдруг в дверь просунулась костлявая рука горбуньи и Лена была выдворена из комнаты. Я бросился следом и увидел, как француженка злобно метнула Лену на кровать. Рукоприкладства я потерпеть не мог, произошло резкое объяснение, и мадам Сесиль, испуганная моим выражением лица, взвизгивая и «плача по-французски», собрала свои вещи. Делала это автоматически, выкрикивая что-то, но так быстро и ловко складывала вещи, как продавец за границей.

Зато позже, если Лена не соблюдала французский этикет или вела себя не так, я грозил, что призову мадам Сесиль, которая раскаялась, часто звонила и очень хотела вернуться.

Вообще Лена трудно сходится с нянями. Зато если привыкает, то больше переживает их исчезновение. Таня же сразу становится близким, милым другом, но очень легко и расстаётся и порхает к следующей. Лена похожа на Аннь, очень красивая, но не такая статная и женственная. Таня переняла от Аннь матовый цвет кожи и овал лица. Она обладает особым, непонятным, неисследованным свойством, которое коротко называется «шарм».

Что это такое, откуда это и почему? Это не значит хороший, чистый человек, хотя часто совпадает с этими понятиями, поскольку, как правило, черты

жулика или мерзавца проступают на физиономии соответствующей личности и естественно отталкивают. Шармер может быть и такой, как князь Мышкин, и такой, как «милый друг» Мопассана. Шарм — загадка. Вообще, почему нам что-то нравится, а что-то не нравится? Откуда отвращение к крысам, грифам, гиенам, к их наружности? Не от наших ли предков, которые близко с ними общались? И почему движения Тани, поворот головы, низкий голос, смешные сочетания слов, непосредственность, почему они пленяют?

Сейчас Таня похорошела, но в те времена внешне она ни в какое сравнение с Леной не шла. Тем не менее Лена рядом с ней проигрывает. Таня сильно косит, у нее был неправильный прикус, и сама себя она считала уродом.

— Какая чудная, хорошая девочка!

— Нет, я плохая.

— Что ты? Не выдумывай. Да почему?

— Я лазила на крышу и глотала железки.

— Какие железки?

— От сварки.

— Зачем же ты глотала?

— Случайно. Показала Лене, потом взяла в рот и случайно проглотила.

— Большие железки?

— Одна с зерно. Одна совсем маленькая. Папа сделал мне цап-цапик, а потом повез в больницу. Там меня просветили и увидели одну в животе.

— А дальше что?

— Потом она из меня вышла. Папа нашел ее. Он сказал, что работал как золотоискатель.

— Но ты же не будешь больше глотать?

— Никогда.

— Ну, значит, ты хорошая девочка?

— Нет, я плохая.

— Почему?

— Я лазила на крышу.

Я ставлю им пластинки перед сном с записью стихов. Неожиданно Таня читает мне длинную поэму с большим выражением, похожим голосом, возбужденно шагая взад и вперед по комнате. Память у нее лучше, чем у Лены. Пляшут же обе непринужденно, раскрепощенно, ритмично. Поет Таня тоже очень точно и очень похоже на исполнение на пластинке. И фантазирует непрерывно длиннющие истории: «Однажды, случайно, лошадь родила котенка. Но не любила его...»

А я, как и раньше, когда они были маленькими, открываю на ночь свою дверь и ставлю стул, чтобы она не закрылась, чтобы слышать, как спят мои девочки. За огромными окнами толпятся те же березы в снегу, освещаемые лунным светом ртутного фонаря... Стол, черное пианино... Только на пианино теперь стоит большой фотографический портрет Аннь, тот самый, который на меня всегда смотрит.

*Сердце возьму,
слезами окапав, нести,
как собака,
которая в конуру несет
переехannую поездом лапу.*
В. Маяковский

Еще один день проходит. И еще один. Еще и еще. Калейдоскоп нянь, как вокзальная неразбериха. Впрочем, может быть, не так уж это и диковато, поскольку вся жизнь состоит из каких-то странных кусочков. А сердце наполнено любовью к моей нежной, тонкой, бесконечно обожаемой жене Аннь — той, которая меня очень, очень сильно и глубоко любила, с которой мы срослись в одно целое, как сиамские близнецы, с которой мы всегда стремились к максимальному сближению, и объединению, и уединению, и единению наших взглядов, душ и тел. И мы всегда были уверены, что это безумное и неосуществимое стремление быть еще и еще ближе друг к другу должно порождать какое-то соединение, то, что есть и она и я вместе, то единство, которое мы вдвоем не в силах создать (из двух — одно) механическим переплетением, как бы мы ни старались срастись друг с другом, врасти друг в друга, вобрать в себя друг друга, как бы не стремились вбить, вколотить друг в друга, вплоть до полного изнеможения, когда уже не мы, а лишь

наши сердца старались перескочить друг в друга, и наша тоска друг по другу усиливалась до слез. И это желанное соединение, естественное и удивительное, зарождалось в моей любимой, росло в ней, наполняя мое сердце чувством удовлетворения и счастья, и потом рождалось, и тогда мы уже совершенно теряли голову от счастья, воплотившись в этом новом, которому мы готовы были отдать наши жизни.

И Аннь отдала. Отдала Антону, который растет где-то, крепкий, рослый. Наше соединение. Осколок той жизни.

— Скажите, вы, родственники жены, в какую дверь мне толкаться, кого умолять, чтобы возвратили ребенка? Будде молиться? Будда, отдай мне сына, отдай моим девочкам брата! Отдай Антону отца, сестер! Наши начальники, хозяева жизни, чтобы ты не сердился, принесли тебе в жертву моего сына. Пожалей меня, пожалей детей, не разлучай навсегда!

Так говорю я приехавшему на стажировку в Москву младшему брату жены.

— Я поговорю с отцом, поговорю,— говорит он мне, а вечером звонит: — Отец внял! Решил Антона прислать.

Наверное, если бы мне разрешили переговорить с дедом напрямую сразу, то он бы вообще не отнимал ребенка. Сейчас ведь ему труднее, привязался за три года.

Наконец приезжает мой мальчик. Но с няней, которую зовет мамой (а ее мужа звал уже папой!). И поселяется не со мной, а в семье шурина, меня же безумно боится. Не дает даже взять за руку. Не отходит от няни, которая предупреждает каждое его желание, как раба. Других-то русских не так боится. Стараюсь где-то его обнять без няни, а он вырывается и бежит к ней. Что-то она ему говорит на своем языке, а что — неизвестно. Прошу шурина дать мне его ненадолго, ну хоть на день, пусть даже с няней. Не дает, бабушка не велела.

Спокойно, спокойно. Надо набраться терпения. Все равно без моего согласия мальчика забрать уже не смогут. А пока хотя бы пусть выучит русский язык. Так проходит месяц за месяцем. Никаких сдвигов, лишь немножко начинает понимать сестер.

Но тут вдруг неожиданно приезжает бабушка и забирает Антона к себе. Вызывает меня для беседы.

Вся эта хитрость, конечно, очевидна. Вот, попробовали. Мальчик вас ненавидит, прижиться не может. Забираем обратно. Напишите разрешение.

Приезжаю. У бабушки сидит Лбов. Антон у него на коленях.

Бабушка произносит речь. Примерно как я думал.

— Видите, он у Лбова сидит, а к вам не идет. Сначала почитайте книги по детской педагогике, а потом анимайтесь детьми. Мы посоветовались с мужем и решили забрать ребенка обратно.

И нечто совсем новое:

— У меня такие же права на ребенка, как и у вас. И я его забираю, как только отдохну в Крыму.

— Он вписан вам в паспорт?

— Да, вписан.

— Под какой фамилией?

— Не помню.

— Можно посмотреть?

— Паспорта здесь нет.

— Когда он был вписан?

— Он выезжал из СССР по этому паспорту.

— Ничего подобного. Вот копия его советского паспорта (я захватил с собой). Где советский паспорт?

— Не знаю. Он оказался не нужен.

— Дайте мне ребенка на пять дней, и он меня полюбит.

— Это невозможно. Хотите, устройте его в привилегированный детский сад, постоянный. Приходите к нему. Посмотрим, как он будет к вам относиться.

— Тогда на пятидневку. Я буду брать его на два дня.

— Нет, в летний постоянный.

— Но там посещение один раз в неделю!

— Я вам даю шанс.

Дает, конечно, не шанс, а хочет все-таки, чтобы я и девочки познакомились

с Антоном, а затем забрать.

Во время разговора Лбов под столом меня толкнул ногой: не возмущайтесь, мол.

Вышли с ним вместе. Он говорит:

— Ну вы же видите, все права на их стороне. Так что постарайтесь, пожалуйста, их уговорить. Иного выхода нет.

— А если я заберу мальчика и увезу?

— Это невозможно. Он не советский гражданин.

Еду, советуюсь с юристом. Он говорит:

— В юридической практике таких случаев очень много. Если мать умирает, то теща пытается забрать внуков. У нас в стране даже бывали случаи, когда выкрадывали внуков у отца и увозили на Дальний Восток.

Найти не могли. Уголовной ответственности при этом бабушка не подлежит.

— Лично я тоже понимаю, что бабушка безумно любит Антона, жить без него не может, и она, конечно, считает, что материальные условия у меня не те, что у нее. У неё личный шофер, телохранитель, прислуга. Антону отведен целый этаж в их доме, и питание у меня хуже. Ее позицию понять можно. Даже брат жены, который сочувствует и мне и матери, говорит, что Антон должен поехать на родину. С его точки зрения, родина Антона там, а с моей — здесь. И я его не осуждаю и не переубеждаю, но закон на моей стороне.

— А дед?

— Очень любит моих детей. Не знаю как Антона, а девочек очень. Но он разумный человек и человек слова. Я ему доверял. Отправлял с его дочерью девочек на четыре часа, и ровно через четыре часа он их возвращал. Меня туда не допускали.

— А сейчас как?

— Сейчас его уговорили родные. Убедили, что я не люблю Антона, а тот меня. Возможно, убедили, что не правильно воспитываю девочек — не отдаю их в детский сад, как того хотят родственники. Девочки часто болеют, и ему внушают, что наш климат им не подходит. Что-нибудь в этом духе. И это попадает на благоприятную почву, так как он конечно же хочет, даже очень хочет девочек взять

себе. С политической стороны это ему выгодно, а то ему пеняют, что здесь-де находятся заложники и он не может поэтому вести независимую политику.

— Почему же он не попросил Брежнева и не забрал их?

— Он же знает, что стар. Понимает, что меня этим убьет. Не хочет, чтобы девочки были круглыми сиротами.

— Но бабушка же еще довольно молодая?

— Все равно не хочет с кровью отбирать внуков.

— А сейчас?

— Сейчас, вы понимаете, у них надвигаются выборы. Аннь мне всегда говорила, что это некий критический момент. Политические соображения у него могут перевесить.

— Дело очень сложное. Прошу мое участие в нем держать в тайне. По моему телефону не звонить.

Договорились о тайных встречах, и он дал мне ряд советов. Отныне я действовал по его указанию.

В это время приезжает один из дальних родственников жены, друг, который полностью на моей стороне. Он предупредил, что якобы вопрос об изъятии Антона решен между дедом и нашими. Что дед приезжает скоро, и если бабушке не удастся забрать Антона, то заберет дед. Более того, они якобы сговорились и об остальных детях. У них снова скоро выборы. Деда на сей раз вряд ли выберут. Но, возможно, он на что-то надеется. То ли хочет внуков забрать из политических соображений, то ли, чтобы, уйдя на покой, заняться их воспитанием.

— Все это ересь,— заявил я ему.— Про девочек — это просто смешно. Но и Антона я не отдам. Сейчас старые руководители теряют силу.

Итак, я начал хождение по инстанциям. По совету юриста. Даже если, по существу, откажут, то перекроется лазейка: «Случайная ошибка», «Не знали», «Что же вы не написали?», «Если бы мы знали!», «Нас обманули».

Итак, погранвойска, МВД, МИД, Верховный Совет. Подал заявление во все эти органы.

Пытался, конечно, поговорить с первым замзавом отдела ЦК. Но как я ни просил его секретаря — без конца звонил, но добиться хотя бы короткого телефон-

ного разговора не мог.

Звонил и замзаву, хотя понимал, что он этот вопрос не решит. Человек, как мне говорили, очень интеллигентный, отзывчивый, но осторожный. Секретарь тоже не соединяет. И вдруг однажды он сам взял трубку и сказал:

— Что вы хотите? Нам известно, что вы очень плохой отец. Говорят, ваши дочки вообще голодают. И вы их не воспитываете. Они даже в школу не ходят.

Я говорю:

— Простите, но в школу им еще рано. Лене только исполнилось семь лет. И в этом году она пойдет. Что касается того, что они голодают, то, по-моему, у нас вообще уже ничьи дети не голодают. А мои тем более. В данный момент как раз няня их уговаривает есть самодельный творог из деревенского молока. Вы бы сами сели в машину и приехали, посмотрели. Я простой советский ученый, много работаю, издаю много книг, не ворую, но живу вполне сносно и жизнь свою посвятил детям. Отобрать детей можно только по суду, как вы знаете.

— Но вы отец и поступайте как отец. Сами разбирайтесь с вашими родственниками.

Очень хороший совет! Уж я-то разберусь, не беспокойтесь! Дайте только мне возможность. Полезный разговор провел!

Звоню Лбову. Он говорит:

— Вы что там, с ума сошли? Заявлений понадавали. Вы что, не понимаете, что все равно все они ко мне при ходят? И все время звоните куда не надо.

А Мазурин припугнул:

— Мне уже тут некоторые говорят: «Он сумасшедший, надо его психиатру показать».

— Со мной это не пройдет, не пугайте. Но спасибо, что предупредили: заручусь свидетельством лучших психиатров, что я здоров.

— Вы не оплачивали содержание ребенка, и он будет у вас отсужен.

— Неужели вы думаете, что я не предусмотрел этого хода? Пусть подадут в суд.

Ответ всех инстанций был одинаковый и устный: это не наше дело.

МИД. Это не наше дело, а дело МВД, так как ребенок находится здесь. Вот

когда он будет там, тогда обращайтесь к нам.

Погранвойска. Это дело МВД. Если МВД выдаст документы на выезд, мы не имеем права останавливать.

МВД. Ребенок, по нашим сведениям, выехал и не возвращался. Он у нас не зарегистрирован. Обращайтесь в МИД.

Ответ юридического отдела Президиума Верховного Совета по телефону:

— Все права на вашей стороне, ни к чему придраться нельзя.

— Могу я на вас ссылаться?

— Можете.

— Вы учтите следующее, — сказал мне Мазурин, — это по нашим законам Антон — советский гражданин, а по их законам он их гражданин. И в данном случае, поскольку он приехал как их гражданин, мы должны считаться с их законами.

Спасибо Мазурину. Благодаря этим его словам я начал выяснять ситуацию с их законами. И совершенно точно установил, что все как раз наоборот. У них в силу оставшихся феодальных традиций гражданство присуждают только по отцу, даже если ребенок родился в их стране. Я сообщил об этом Мазурину. Он ответил, не моргнув глазом:

— Хорошо, мы примем это к сведению.

На личных приемах я каждый раз терял надежду.

Погранвойска. Референт генерала пытается его оградить от меня:

— Это ваши личные семейные дела, почему вы обращаетесь к нам?

— До тех пор, пока ребенок здесь, это дела личные. Но как только он приблизится к границе Союза Советских Социалистических Республик, это уже дело не личное.

Генерал изо всех сил хочет помочь, думает вслух:

— Но не может же солдат-пограничник вырвать ребенка из рук у женщины такого ранга. Это же международный скандал. Обратитесь в МИД, в консульский отдел к такому-то.

— Так ведь не поможет. Я уже получил оттуда устный ответ.

— А вы в глаза ему посмотрите, — посоветовал генерал с большим сочувствием.

Но это мне не удалось. Глаза консульского начальства смотрели в стол. Выразительные руки лежали на этом же столе, и по рукам я видел, как ему неприятно. Под конец он сказал вдруг человеческим голосом, взглянув на меня воровато:

— Знаете что посоветую вам: обратитесь к такому-то, только ни в коем случае не говорите, что это я посоветовал.

Обратился к такому-то. Тот прямо руками замахал:

— Не мое, не мое это дело. А кто вам посоветовал ко мне обратиться?

В МВД начальник — все тот же Саранчев — просто ахнул, когда я ему показал фотокопию паспорта Антона.

— Где это вам удалось? Тут же пограничная виза. А сам паспорт где?

— Не знаю, они не отдают.

— Я бы мог вас привлечь за потерю паспорта, — задумчиво сказал он, — но не стану этого делать. У вас нет документов, свидетельствующих о том, что ваш сын пересек границу оттуда сюда. Ан Хуан, как вы его называете, как приехал Ан Хуаном, так и уедет.

— В таком случае, куда же девался мой сын Антон? Где он?

— А это уже дело МИДа. Пусть пошлют запрос в их страну.

По неформальной обратной связи (генерал принял в моей судьбе неформальное участие) ничего не получается. Почти все мне сочувствуют, но все это не в их власти. А до тогдашнего главы МИДа письмо не дошло, как я узнал потом.

Одновременно я пытался устроить Антона в детский сад 4-го Главного управления, который недалеко от моей дачи. Ходатайства, которых я набрал целую пачку, не действовали.

— Все места давно заняты, вот скольким нашим работникам отказано.

Но я придумал такой ход. Они брали детей сотрудников детского сада. Это была как бы форма дополнительной оплаты. Я нанял няню, которая согласилась там работать, получая и от меня зарплату. Заодно будет следить за Антоном.

Предложил директрисе. Отказала. Побоялась:

— У нас так строго! Кто-нибудь донесет, что не сын! акой народ!

Но потом вдруг согласилась — нянь не хватает, и все в детском саду настаивают, чтобы взять.

Говорю бабушке: можно вести. Очень надменная новая переводчица из Академии общественных наук все время отказывала мне от имени бабушки. Сегодня дождь, бабушка не может. Сегодня жарко, бабушка не может. Сегодня у нее болит голова. Я говорю:

— Тм же заезд. Важно не опоздать.

Не помогает. Наконец приезжаю к бабушке, у нее сидит Лбов. Она окончательно отказывает:

— Мы решили взять его с собой в Крым.

Я говорю:

— Я категорически против, врачи не рекомендуют в таком возрасте. Кроме того, я уже нанял няню, чтобы...

И рассказал, как я устроил в детский сад

Через несколько дней бабушка согласилась. Я подозреваю, что Лбов помог. Как-нибудь объяснил, что в Крыму условия не те для ребенка, или что-то в этом духе. Я видел по его лицу, что он мне сочувствует: то одно бабушка говорит — делаю с таким трудом, потом говорит другое. Слишком уж капризная мадам. Его она тоже, думаю, своими капризами допекла.

Привезли с большой торжественностью Антона в детсад. И переводчица объясняет директрисе, что меня туда подпускать не следует часто, это вредно для ребенка, и разную другую ерунду. Но директриса привыкла уже к детям начальства, которых привозят не в общем автобусе, а на отдельных «Чайках», к разным капризам.

Как только они уехали, а Антон остался, я — бряк на стол директрисе заявление: «Прошу моего сына никому, кроме меня, не выдавать». И добавил к тому же:

— Поймите, если ребенок исчезнет, то я именно на вас в суд подам, а не на тех, кто вам по телефону велел его отдать. Требуйте письменного распоряжения.

Поверьте, что письменное распоряжение такого рода любой побоится подписать.

Главврач сказала просто:

— Пусть приезжают хоть из управления, откуда угодно, никому, кроме отца, я ребенка не отдам.

Капкан захлопнулся.

Местного начальника милиции я попросил:

— Нельзя ли милиционеров, которые несут пост в детском саду, предупредить, чтобы они препятствовали уходу ребенка. Ничего, мол, не знаем. Не имеем права.

Он говорит:

— Что вы! Бабка приедет с таким подкреплением, где там!

Провел с дачи связь со всеми проходными пунктами детского сада, директрисой и сестрами. Все охранники знали, что, если предупредят вовремя, — с меня четыре бутылки. Все ждали бабушку как манну небесную.

Каждый день заходил к Антону, несмотря на недовольную мину главврача. Мы мгновенно подружились. Я даже тайком уводил его и давал как бы править моей машиной, посадив его между ног. Это для него было высшим наслаждением.

Конечно, я мог его забрать и уехать всей семьей куда-нибудь в глушь. Но в глуши, если выследят, забрать ребенка легче, чем из детского сада, у всех на виду, при сопротивлении нанятой няни, сестер, разных знакомых уже бабок и местных любителей выпить, которым нечего терять, кроме своих цепей. Рабочие ребята, которым я не отказывал в трудную минуту и наливал, никогда не выдадут. Да и что им сделают, если они мне помогут? А что от меня ждать в этом случае — они знают очень хорошо. Местная милиция займет нейтрально благожелательную позицию. Здесь все знают, что Богородск за меня. Да все и так в душе на моей стороне. Все. Украсть моего сына средь бела дня непросто. Официальных лиц я поставил в положение, когда окольными путями, обманом, не уведешь. Надо кому-то брать на себя четкое ответственное решение. Уклониться не удастся.

С другой стороны, увозя в глушь, я помогаю нашим свалить все на меня. Удрал-де, что тут поделаешь? Неубедительно для деда, он понимает, что это у нас невозможно, но лучше, чем прямо отказать ему.

Таким образом, чтобы увезти в глушь, мне надо было знать точку зрения нашего нового руководства.

Мне, конечно, было ясно, что все мои заявления скапливаются у Лбова и через него заявлениями не перепрыгнешь. Я уже чувствовал, что мой вопрос может решить только высшее руководство, и стал искать какого-либо косвенного пути к нему. Вопрос мой чисто личный, я бы сказал, семейный.

Я поделился своими проблемами со встретившейся случайно одной знакомой, умной, доброй и красивой дамой, помощником одного из крупных чинов. Она подсказала:

— Из ученых я советую поговорить с N. Он имеет контакт.

— Но я с ним незнаком.

— Ваше имя ему наверняка известно.

— Вы думаете, известно?

— Безусловно. Даже до меня дошли отголоски вашего доклада на конгрессе.

Позвонил к нему. Договорился. Приехал. Мой товарищ, который меня привез на машине, сдуру при швейцарах обнял меня:

— Ну, ни пуха ни пера!

После этого швейцар и женщина из проходной отнеслись ко мне подозрительно и не пустили: «Сам-то строгий, пропустим — попадет». А так бы я прошел, конечно, с важным видом.

N был уже в учреждении, но не в кабинете, а секретаря еще не было. Я стал дожидаться у дверей, дружески беседуя со швейцаром. Наконец пришла очень милая секретарша:

— Да чего же вы здесь стоите, проходите, проходите.— И строго женщине на проходной: — Вы что же не пропускаете ученого?

Та только мимикой показала: вот, мол, все равно попало. Как тут угадаешь?

Меня пропустили в роскошный, отделанный с большим вкусом, нестандартный кабинет. Я поздоровался и сел сбоку на стул, дожидаясь конца беседы N с двумя сотрудниками. Он очень строго им что-то выговаривал. Запоминающееся лицо крупного ученого.

Затем все ушли, я сел напротив. Он выглядел уже утомленным. Я стал рассказывать, и усталость у него как рукой сняло. Показывал фотографии. Наши свадебные, детей, мы с детьми, мы с Антоном.

— И неужели дед никогда с вами не встречался?

— Никогда.

— Никогда?

— Никогда.

— Но он знает, что вы любили жену?

— Уж это-то он знает. Это-то, безусловно, знает. И знает, что люблю.

— Какое сложное дело! Хоть бы чуть пониже чином. А что говорит первый замзав?

— Категорически отказывается встретиться со мной, даже по телефону не говорил.

— Это уж ни в какие ворота не лезет. Пишите письмо, я передам. Обещаю, что ваше заявление прочтут. Все расскажите. И фотографии приложите.

— А фотографии зачем?

— Это, может быть, самое главное. Вот эту, где вы обнимаете всех троих. Текст может не так подействовать, как эта фотография.

— Спасибо вам большое. И от меня, и от детей.

Он дарит мне свою последнюю книгу. Так получилось, что мы расстаемся близкими людьми.

Я послал мои фотографии в обнимку с тремя детьми. Аннино старое заявление 1978 года, где есть слова, звучащие как завещание: «Если меня перебросят вместе или без дочери в наше посольство, то это будет сделано насильно, помимо моей воли, какие бы заявления от моего имени ни делало посольство. Я хочу жить со своим мужем и хочу, чтобы он воспитывал нашу дочку». В моем письме к руководству я, в частности, сообщил следующее:

«В 1981 году в Москве во время родов моего сына Антона скончалась моя жена (бра́к был зарегистрирован в 1977 году). У нас с женой уже были две дочери — Лена и Таня. Согласно советскому законодательству, все наши дети, в том числе сын, оформлены гражданами СССР и постоянно прописаны в Москве.

Новорожденного ребенка мне не выдавали ни из роддома, ни из больницы, куда он был потом помещен. Мне было настоятельно рекомендовано дать разрешение отправить моего двухмесячного сына на два года в частную поездку с приехавшей на похороны матерью жены.

С отцом жены я никогда не встречался и передал ему через брата жены мою горячую просьбу вернуть мне сына. В 1984 году мой сын приехал вместе с бабушкой в Москву.

Я подчинился всем требованиям иностранных родственников относительно воспитания ребенка в переходный период, уверенный, что мне вернули Антона навсегда. Однако приехавшая снова бабушка сообщила мне через официальное лицо, что решила забрать Антона и что вопрос этот согласован с мужем. А главное, выяснилось, что мой сын прибыл в СССР не как советский гражданин, а как Ан Хуан, с фамилией, не совпадающей даже с фамилией жены.

Тем самым в силу документов, не соответствующих происхождению моего сына, мои права как гражданина СССР и права моего сына как гражданина СССР нарушены. Меня лишают моего сына, а Антона лишают его отца и делают круглым сиротой. В соответствии со статьей 33 Конституции СССР я прошу от своего имени и от имени моего несовершеннолетнего сына защиты наших прав.

Мы с женой хотели, чтобы дети были русскими, воспитывались вместе, в своей семье, родным отцом. Я делаю все, что в моих силах, чтобы дети были счастливы, веселы, здоровы, не чувствовали себя сиротами и любили друг друга. Я не в силах буду снова вынести разлуки с кем-либо из моих детей.

Р. С. На мой взгляд, если бы отец жены не хотел отдать мне Антона навсегда, то нелогично было бы его привозить. Зачем наносить лишнюю травму отцу и создавать дополнительные формальные трудности? Я думаю, что мать моей жены, выполняя распоряжение мужа об отдаче Антона, сознательно или неосознанно лелеяла мысль забрать его назад, для чего оформила на него документы на чужую фамилию. Она создавала мне трудности при общении с ребенком с помощью няни, с которой он приехал. Общаться без няни разрешила только после того, как убедила мужа, что опыт не удался и сына надо отобрать.

Мне представляется, что те товарищи, которые привыкли угадывать желание высокопоставленных гостей, только подливали масла в огонь. А на самом

деле Антон любит меня, и я не в силах еще раз расстаться с сыном, которого мы так ждали с моей дорогой и несчастной женой».

Это было перед самым приездом деда в Москву. Я спросил потом у N. как руководство отреагировало. Он говорит:

— Прочли и ознакомились с вашей точкой зрения. Этого достаточно.

Звоню Лбову. Ни слова о моем письме не говорю, веду незначительный разговор. Тот неожиданно:

— Я же всегда говорил, что все права на вашей стороне.

Значит, все в порядке. С ходу перестроился!

Бабушка немного раньше приехала в детский сад забирать ребенка. Меня не было. Но получила решительный отпор от директрисы и главврача. Уехала в ярости.

Директриса умоляла меня забрать ребенка:

— Второго такого напора я не выдержу. Переводчица орала и буквально вырывала ребенка силой. К тому же у нас заболела одна девочка неизвестно чем. Советую забрать Антона.

Забираю Антона и отправляюсь с детьми, няней и портретом Аннь в глушь, в Белоруссию. Оставляю отдуваться на даче моего друга.

В тот же день приезжает бабушка с родственниками на двух «Волгах». В детском саду говорят:

— Забрал отец.

Бабушка в бешенстве. Едут на дачу. А нас и след простыл. Что тут делалось! Переводчица устроила обыск, открывала ящики стола, рылась в бумагах. Нашла мой незакрытый бюллетень (у меня поднялось давление от всех волнений, и я сидел дома — стерег бабушку).

— Мерзавец! Негодяй! Уехал, не закрыв даже бюллетень!

Что за логика?!

Запах скошенной травы и мяты холодит посвежевшие ноздри. Я не в силах пошевелиться. Голова рядом с подушкой, ноги свешены. Вошел, открыл окно и

уронил тело на кровать. За окном — Белоруссия.

Это друзья сняли нам большой дом на отшибе в глубине Западной Белоруссии.

Хозяин— дед, очень старый, но крепкий, что-то все время рассказывает, а что — понять трудно. Понимаю только, что раньше это имение принадлежало панне Ядвиге. Он был тогда молодой, и различные воспоминания все время всплывают в его памяти, заставляя язык бормотать о Булак Булаховиче, их земляке, который привел к власти самого Пилсудского.

И этот Фирс из «Вишневого сада», это имение, эти песчаные горы, покрытые соснами, вереск, поля лисичек и черничные плантации уносят нас в какой-то мир, не тронутый цивилизацией. Ночью, черной, как в преисподней, выходишь к пруду — утка из-под ног пуль разрезает воду и судорожно набирает высоту или кабан с треском бросается в кусты. Дома трещат дрова. Дети спят. И нас старики и старухи инстинктивно принимают как бы за владельцев этой усадьбы, а не за беглецов, прячущих своих детей в недоступной еще цивилизации вымирающей деревне. Носят молоко, яйца, мед, овощи. Люди по сравнению с московскими неозлобленные, доброжелательные.

Дети ошалели от плавания, катания на лодке, рыбной ловли, раков, аистов, которые живут на крыше. Девочки обожают Антона, а он, счастливый, купается во всеобщей любви и внимании.

Через месяц я добираюсь до большого села, с трудом дозваниваюсь моему другу — родственнику жены. Он говорит:

— Ваши считают, что все дети должны остаться у вас. Дед, видимо, согласится: «Ну уж если отец так любит детей...»

Наконец, судя по газетам, возглавляемая дедом делегация уехала. Снова еду в село. Звоню на квартиру бабушки. Никого. Уехала. Мы можем возвращаться в Москву. Опасность миновала. Наши дети с нами, дорогая Аннь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО НА СМЕРТЬ	3
ЗАВЕЩАННЫЕ ДЕТИ	71

ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ МАРТЫНОВ

БЕЗОРУЖНАЯ ЛЮБОВЬ

Заведующий редакцией

А. Бармасов

Редактор

Л. Беклешова

Художник

Р. Ахипова

Художественный редактор

А. Данилин

Технический редактор

Л. Беседина

Корректоры

З. Комарова, Ю. Черникова

ИБ № 4299

Сдано в набор 22.11.88. Подписано к печати 14.04.89. Л 22550.

Формат 70X108 1/32. Бумага типографская №2. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл печ. Л. 6,30. Усл. Кр.-отт. 6,83.

Уч.-изд. Л. 6,15. Тираж 15 000 экз. Заказ 4274. Цена 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Мартынов О.П.

М29 Безоружная любовь. — М.: Моск. рабочий

1989. — (Семейный круг)

М 0301070000—198

М 172(03) —89 Без объявл.

ББК 84Р7-4

ISBN 5—239—00607—5